

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *Е.Б. Барина*

Рецензент:
доктор исторических наук *Н.И. Халдеева*

Традиционная культура в современном информационном пространстве: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 8–9 декабря 2011 г. М.: ИЭА РАН, 2012. – 107 с.

ISBN

Сборник включает в себя статьи молодых ученых (этнологов, археологов, социально-культурных антропологов, социологов), участвовавших в научно-практической конференции «Традиционная культура в современном информационном пространстве». Она проходила 8–9 декабря 2011 г. в Институте этнологии и антропологии РАН. Авторы статей сфокусировались на анализе традиционного компонента в различных культурах, и выявлении его актуальных адаптации в новых информационных срезах окружающих реалий.

Книга предназначена для этнологов, историков, антропологов и широкого круга читателей.

ISBN

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Е.В. Орлова, художественное оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>В.О. Белевцова</i>	
Метод структурно-типологического анализа в отечественной этнографии (на примере изучения брачной обрядности)	7
<i>Б.Д. Жумакаева</i>	
Этнический стереотип как основание политического поведения	15
<i>А.А. Хабарова</i>	
Вепские названия	21
<i>С.Г. Комаров</i>	
Краниологическая серия из Букеевской степи в контексте изучения антропологии позднесредневековых кочевников	28
<i>Е.М. Макарова, А.О. Афанасьева</i>	
Первые поселенцы о.-г. Свяжск. Комплексное палеоантропологическое исследование останков мужчины с погоста Успенско-Богородицкого монастыря	32
<i>А.Ю. Толмачева</i>	
Северные колонии немцев Поволжья	41
<i>И.А. Головнев</i>	
Начало этнокино: А. Литвинов и В. Арсеньев	48
<i>Д.С. Ермолин</i>	
Коллекция Ю.В. Ивановой в фотоархиве ИЭА РАН как новый источник по этнографии албанцев Украины	56
<i>А.И. Макеева</i>	
Проблема этнического статуса нагайбаков	61
<i>В.Н. Бахматова</i>	
«Стоит изба из кирпича, то холодна, то горяча» (о проблеме реконструкции изразцовых печей Острова-града Свяжск)	68
<i>А.С. Дугушина</i>	
«А как рожала Ваша бабушка?» Проблема сохранения традиционной родинной обрядности албанцев Приазовья	74
<i>М.С. Осипова</i>	
Частная жизнь и семейные отношения англичан в сочинениях иностранных путешественников первой половины XIX века	80

<i>О.А. Баженова</i>	
Русские паломнические хождения в Святую землю и Египет XVI–XVIII вв. о мощах святых, телах проклятых и других человеческих останках	86
<i>Е.М. Бреус</i>	
Многоязычные банкноты КНР как практическое воплощение государственной идеологии	93
<i>М.В. Вятчина</i>	
Фотоколлекция К.Т. Софонова в собрании Этнографического музея Казанского университета: этничность и логотипизация	102

Предисловие

В сборник вошли 16 статей, объединенных проблематикой конференции «Традиционная культура в современном информационном пространстве». В статьях продемонстрирован несомненный интерес и поиск в направлении нового, что фиксируется в настоящее время связи с традиционным и известным. Авторы сообщений сфокусировались на анализе традиционного компонента в различных культурах, и выявлении его актуальных адаптаций в новых информационных срезах окружающих реалий. Общей тенденцией большинства статей сборника является привнесение авторами нового в методическое переосмысление прежних, давно известных материалов, разработка новых подходов, позволяющих раскрыть их, казалось, исчерпанный потенциал. Нестандартный творчески разработанный контекст большинства сообщений представляется несомненно перспективным.

Статьи данного сборника можно разделить на несколько тематических блоков.

В первый блок «Новый взгляд на перспективы изучения этнографических и антропологических данных» входят статьи В.О. Белевцовой, зафиксировавшей новые варианты в системе брачной обрядности при сохранении консервативных элементов ее бытования как факторов необходимой устойчивости; Б.Д. Жумакаевой и А.А. Хабаровой, представивших в новом ракурсе такие устоявшиеся категории, как этнический стереотип и система топо- и этно- гидронимов; статья С.Г. Комарова, на новой методической и аналитической основе анализирующего краниологическую серию из Букеевской степи; статья Е.М. Макаровой и А.О. Афанасьевой, реализующих комплексный подход к единичной находке по многоаспектной программе, и воссоздающих один из контекстов истории монастыря XVI–XVII вв. на о. Свяжск.

Второй блок статей можно назвать «Хроники. События. Народы. Ученые». В статье А.Ю. Толмачевой в деталях прослеживается история создания Северной колонии немцев в Поволжье с XVIII в., последующая ликвидация и новый современный период. В статье И.А. Головнева представлена хроника событий зарождения этнокино, история и события создания фильма режиссером А. Литвиновым при содействии В.К. Арсеньева об удэгейских охотниках уссурийской тайги; о роли

фотоколлекции Ю.В. Ивановой говорится в статье Д.С. Ермолина, напомнившего сегодня об этой известной исследовательнице и заново открытом потенциале ее коллекции как методе визуальной антропологической коммуникации; новый материал по практически неизученной тюркской группе зауральских нагайбаков с неопределенным этническим статусом представлен в статье А.И. Макеевой.

В третьем блоке статей «Традиции, новации и преемственность» В.Н. Бахматова обращается к проекту воссоздания по косвенным источникам посредством метода аналогий изразцовых печей как объекта материальной культуры, что особенно актуально для постоянной экспозиции Государственного Историко-археологического и художественного музея «Остров-град Свияжск» – это один из первых проектов в Республике Татарстан. В статье А.С. Дугушиной поднимается проблема сохранения традиций родинной обрядности через зарождение новых элементов верований, например, роддом становится мощным этнографическим источником динамичного взаимодействия консервативных и инновационных компонентов развития в представлениях о феномене родин у албанцев Приазовья.

Четвертый блок – «Аспекты повседневности. Ценности семейной жизни и разные формы трансформации человеческой телесности» – включает две статьи. М.С. Осипова излагает взгляды русских путешественников на частную жизнь англичан. О.А. Баженова создает определенную классификацию разных видов трансформации физической телесности человека в местах фиксации праведности, греховности и посмертной участи человека, в их поучительной реальности и маркировании физической стороны смерти человека, т.е. его будущей вечной повседневности.

Пятый блок – «Государственная власть и инструментариим маркирования социально-политической реальности» представлен статьями Е.М. Бреус и М.С. Вятчиной. В статье Е.М. Бреус рассматривается концепция, интерпретирующая роль банкнот как хронографических маркеров политической истории государства и адекватный инструмент диалога с населением. О роли масштабных университетских этнографических коллекций как способе логотипизации и визуального закреп-

ления единого историко-культурного пространства для всех проживающих в регионе народов говорится в статье М.С. Вятчиной.

Тематика сборника отражает результаты научной деятельности молодых ученых и аспирантов не только Института этнологии и антропологии РАН, но и Учебно-научного центра социальной антропологии при РГГУ, а также других институтов РАН, университетов России и стран СНГ. Несомненно, представленные в сборнике статьи молодых ученых вызовут интерес читателей – историков, этнологов и антропологов.

Н.И. Халдеева

Метод структурно-типологического анализа в отечественной этнографии (на примере изучения брачной обрядности)¹

Социально-культурная жизнь человечества во всем его этническом многообразии немыслима без функционирования обрядовых систем, сопровождающих его на всем протяжении исторического процесса. Каждому народу присущ свой комплекс традиций, обычаев, обрядов, ритуалов. Комплекс обрядовых структур социума, начавший свое формирование на ранних этапах развития человеческого общества, составляет важную часть его культурной самоценности, именно благодаря ему можно говорить о тенденциях в развитии того или иного социума, его стабильном росте и развитии на протяжении веков. Обряды более инертны по отношению к социально-экономическим преобразованиям общества, поэтому в них сохраняются черты, присущие предшествующим этапам развития этноса. Как следствие этого особую значимость изучению народной обрядности придает тот факт, что благодаря повсеместному распространению массовой профессиональной культуры и нивелированию этнической специфики именно язык и духовная культура этноса отражают его самобытность.

Следует заметить, что, несмотря на всю важность и длительность изучения этих явлений, до настоящего времени дискуссионными остаются вопросы не только разграничения терминов «обычай», «обряд», «ритуал» и «традиция», но и их определения и классификации. На сегодняшний день существует обширный ряд определений основных характеристик обряда, отличающих его от иных этнокультурных явлений. Так, классиком отечественной этнографии С.А. Токаревым обряд определяется как разновидность обычая, цель и смысл которого – выражение (по большей степени символическое) какой-то идеи, чувства, действия либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием². В качестве определительного критерия символизм обряда выдвигают также Д.М. Угринович³, В.Ю. Соловьев и Н.В. Кирьянов. Называя обряд особым способом передачи новым поколениям определенных идей, норм поведения, ценностей и чувств, в качестве отличительной формы от других каналов передачи исследователи отмечают присущую ему символическую природу⁴. Однако помимо символического значения обряд обладает

вполне вещественной конкретикой, на что указывает В.В. Пименов, утверждая, что обряд до деталей определяет внешнюю форму поведения, конкретизируя не только то, что должно быть сделано, но и то, как это следует выполнить⁵. Отметим, что, по мнению К.В. Чистова, к базовым функциям обрядности в целом следует отнести накопление, отбор и стереотипизацию опыта, ведущие к его реконструкции и циклическому воспроизведению. Рассуждая о возможности типологического анализа обрядовых систем, К.В. Чистов говорит о сложности и трудоемкости этого процесса. Типологизировать обрядовые системы особенно сложно, поскольку отдельные элементы, составляющие структуру ритуала, не только интенсивно варьируются (формально и функционально), но и перескакивают с одного сегмента (этапа) ритуала в другой⁶. Особенно это касается сравнительного изучения общеэтнических и локальных традиций.

Методики изучения обрядности развивались одновременно с изучением самих же явлений. В рамках данной статьи мы остановимся подробно только на одном методе – структурно-типологическом анализе. Данный метод исследования обрядности довольно популярен в этнографии. Вопрос о необходимости его применения в этнологии был поднят в 1980-х годах в статье С.А. Арутюнова и Ю.И. Маркаряна «Проблемы типологии исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической среде». Исследователи отмечают, что, не умаляя заслуг традиционных методов этнографии (непосредственное наблюдение, свободное собеседование с информантом, анализ фольклорных текстов, эмпирическое, эволюционно-сравнительное и функциональное истолкование), которые позволили создать фундамент для развития этнологических дисциплин, сегодня необходимо стремиться к некому теоретизированию, обобщению, что позволит исследовать явления и процессы на более высоком абстрактном уровне⁷.

Одним из основоположников разработки методологии структурно-типологического анализа по праву может считаться В.Я. Пропп⁸. Исследователь рассматривал специфику волшебной сказки, однако при ее изучении ему удалось выявить некие общеструктурные элементы. Несмотря на то, что В.Я. Пропп занимался в основном анализом текста, принципы сегментации, выделения компонентов, создания типов и инварианта остаются основополагающими для изучения любого явления или процесса методом структурно-типологического анализа.

Одним из последователей этого метода в фольклористике является Б.Н. Путилов⁹. Исследователь акцентирует свое внимание на теории вариативности, под которой понимает видоизменение каких-либо устойчивых данных, существующих в традиции со своими сложившимися признаками или их частями. Эти утверждения вполне применимы к брачной обрядности, которая также обладает устойчивыми типовыми качествами и вместе с тем представляет собой не тиражированную копию, но видоизменение, разновидность, одну из возможных комбинаций.

Относительно непосредственного использования структурно-типологического анализа для изучения явлений и процессов в этнографии, заметим, что изначально этот метод применялся лишь при рассмотрении вопросов материальной культуры. В качестве одного из разработчиков теоретической базы и основных принципов действия структурно-типологического анализа следует назвать М.В. Крюкова. В его работе «Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (на примере типологии жилища)» было впервые введено в оборот понятие «тип». Исследователь также отмечает, что любая типология представляет собой некую идеальную модель, отражающую некоторые существенные признаки данного множества явлений, заведомо абстрагирующихся от других его признаков, рассматриваемых как не существенные¹⁰.

В качестве одной из сфер применения структурно-типологического анализа в области изучения духовной культуры рассмотрим одну из составляющих семейной обрядности, наиболее устойчивую в своем социальном функционировании – брачную обрядность. Следует, впрочем, заметить, что первоначальное изучение брачной обрядности проводилось без применения каких-либо теоретизированных методик, сводясь к описанию какого-либо единичного варианта свадьбы, в лучшем случае, включающего в себя наиболее яркие черты локальных традиций. Разумеется, сложно назвать такой подход всеобъемлющим – подобные исследования не только не показывали сколь-либо высоких обобщающих теоретических результатов, но и не могли отразить все разнообразие, присущее брачной обрядности в целом. Не следует забывать, что любой обрядовый комплекс, не исключая свадебный, варьируясь географически, существенно изменяется по ряду параметров. Среди них может быть наличие или отсутствие отдельных свадебных церемоний, изменение функционального значения отдельных

обрядов – все это приводит к формированию большого числа вариантов как символики отдельных обрядов, так и обрядности свадебных комплексов в целом. В качестве одной из причин существования столь вариативной структуры стоит назвать не только сложность и длительность процессов формирования этноса, но и влияние его иноэтнического окружения, с которым он так или иначе оказывался связан в культурно-бытовом плане. Следуя же принципам изучения брачной обрядности посредством структурно-типологического анализа, мы не только получаем возможность выявления типологических особенностей отдельных этносов, но и можем исследовать эту проблему с диалектической точки зрения, позволяющей по-новому подойти к комплексу вопросов, связанных с историей, развитием и функционированием как этноса в целом, так и его этнографических групп.

В качестве исследователей, удачно и последовательно использовавших методики структурно-типологического анализа, следует назвать Н.А. Кислякова¹¹ и Н.П. Лобачеву¹², на примере этнической обрядовой культуры сообществ Средней Азии выделивших ряд циклов прохождения свадебных действий и их типов. В своей работе Н.А. Кисляков вычленяет в традиционной свадьбе два хронологических периода: помолвка – обручение и собственно свадьба, при этом первый период относится ученым к проявлениям еще матриархального брака, а второй является результатом закрепления патриархальной традиции. Эта теория впоследствии стала разрабатываться и другими исследователями. В частности Н.П. Лобачева, несколько дополняя ее, стала продолжателем разработки данной концепции. К примеру, ею были выявлены так называемые «универсальные» элементы свадебного церемониала регионального и социального значения, а также определена их последовательность. Кроме того, исследовательница предложила несколько по-другому структурировать свадебный цикл, а именно на предсвадебные обряды, к которым Н.П. Лобачева относила выбор невесты, сватовство, сговор и помолвку, свадьбу и послесвадебные церемонии, к которым, по мнению ученого, следует также отнести взаимные визиты молодых и родителей и обряды избегания.

Интересен опыт типологии карельской свадебной обрядности Ю.Ю. Сурхаско¹³. Прежде всего исследователь говорит о том, что для понимания сущности свадебной обрядности недостаточно только поэтапного описания обрядовых действий, необходимо раскрыть их структуру. Именно вариативность становится для исследователя од-

ним из оснований применения типологизации. Автор акцентирует внимание на таком важном принципе, как «типичность», который является одним из основополагающих для проведения структурно-типологического анализа. Критерием типичности он считает не только многочисленность одинаковых сообщений об этнографическом явлении, но и разовое упоминание в источнике, которое может свидетельствовать либо об узкой локализации, либо о предшествующем этапе бытования.

Среди исследователей, применявших в русле изучения свадебной обрядности метод структурно-типологического анализа, следует особо отметить Ф.Л. Шарифуллину¹⁴ и Р.К. Уразманову¹⁵, использующих его в своих работах по традиционной свадебной обрядности татар. В основу типологии брачной обрядности этого этноса ученые положили следующие принципы: выделение трех циклов (предсвадебного, свадебного и послесвадебного) и расчленение их на наиболее часто встречающиеся обрядовые действия (элементы-признаки, символизирующие тот или иной этап цикла). Далее наиболее устойчивые по форме проведения обрядовые комплексы были объединены в «типы». По результатам анализа полученных материалов исследовательницы смогли выявить неравномерность распространения элементов-признаков. С помощью картографических методик были выявлены диапазоны бытования этих признаков, а финальное сведение территориальных комплексов всех трех циклов определило в свою очередь сводные комплексы, являющиеся основой для этнокультурного районирования¹⁶.

Структурно-типологический анализ свадебной обрядности продолжает быть востребованным для изучения свадебной обрядности и сегодня, о чем свидетельствуют разработки последних лет. Данная методология применяется в исследованиях Н.Р. Азизовой¹⁷, Н.В. Зорина¹⁸, Д.Г. Касимовой¹⁹, О.П. Коломиец²⁰, Е.А. Ягафовой²¹. Разумеется, сама методика также получает дальнейшее теоретическое и практическое развитие. К примеру, О.П. Коломиец рассматривает брачную обрядность как часть «метасистемы» (семейно-бытовой обрядности), однако саму свадебную обрядность также представляет в виде ряда подсистем, которые являются компонентами единой структуры и находятся в тесном взаимодействии друг с другом²². Н.В. Зорин в своем монографическом исследовании «Русский свадебный ритуал» подробно рассматривает брачную обрядность русских, особое внима-

ние уделяя различным локальным вариантам, при анализе которых определяются дефиниционные брачные комплексы.

Особый интерес представляет работа Е.А. Ягафовой «Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.)», один из разделов которой посвящен типологии брачной обрядности чувашей²³. Автором были выявлены основные критерии для структурно-типологического анализа брачной обрядности этнографических и этнотерриториальных групп чувашей: локализация свадьбы, сценарии свадьбы, функции свадебных чинов, свадебный поезд, свадебный костюм, свадебный фольклор, устойчивые обрядовые элементы. Используя метод структурно-типологического анализа на примере свадебной и календарной обрядности, исследовательница делает вывод о существовании некоего изначального единства структуры обрядности у разных этнографических групп чувашей. В процессе формирования субэтнических групп происходит дифференциация (отбор и закрепление) элементов²⁴. Расширяя теоретическое поле методологии, Е.А. Ягафова особо отмечает, что методы типологического анализа требуют тщательного отбора – поиска критериев, которые должны быть не случайным набором элементов, а находиться в системе традиционной культуры, нести определенную этническую нагрузку. Чаще же при типологии учитывается не один признак, а их комплекс. Дальнейшая дифференциация внутри типа (подтип, вариант, подвариант) обусловлена акцентированием внимания на каком-либо одном из них; она же определяет основообразующие показатели, по которым необходимо проводить структурно-типологический анализ брачной обрядности.

Перспективным направлением в изучении брачной обрядности методом структурно-типологического анализа можно считать исследование ее современного состояния.

Таким образом, изначальная типологизация традиционных комплексов брачной обрядности в сопоставлении ее с современными комплексами может предоставить важные сведения не только о функционировании брачной обрядности, но и о способах передачи и распространении локальных традиций, сужении или расширении ареала их бытования, а также выявить факторы, влияющие на устойчивость определенных вариантов свадьбы. Подобная практика, возможно, позволит более детально проследить определенные тенденции в традиционных обрядовых системах.

Вследствие того, что использование методики структурно-типологического анализа предполагает возможность отмечать не только дистанционные, но и темпоральные характеристики этнических процессов, приобретает особую важность вопрос о «хронотопном движении» традиционных элементов. Наложение различных временных «срезов» на единые, не изменяющиеся пространственные границы может позволить с иной стороны взглянуть на трансформационные процессы, происходящие в современном социуме.

Подводя итоги, можно сказать, что структурно-типологический метод дает возможность систематизации и обобщения обширного материала, однако прежде всего он позволяет раскрыть не только общую структуру духовной или материальной культуры, или же, как в нашем случае, брачной обрядности, но и представить это явление во всем его многообразии, показать возможные локальные варианты. Кроме того, появляется возможность рассматривать то или иное явление в перспективе межэтнического взаимодействия духовной или материальной культуры (или же, как в нашем случае, брачной обрядности), но и представить это явление во всем его многообразии, показать возможные локальные варианты.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта стажировки молодого ученого в крупном научном центре России «Стажировка в ИЭА РАН для разработки темы: Современные методологические подходы в исследованиях обрядовых систем», проект № 113100601и.

² Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования // Советская этнография (далее – СЭ), 1980. № 3. С. 28.

³ Угринович Д.М. Обряды: за и против. М., 1975.

⁴ Соловьев В.Ю., Кирьянов Н.В. Религиозно-культурная обрядность и государственные праздники. Пенза, 1996. С. 11.

⁵ Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

⁶ Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточнославянского обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 233.

⁷ Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 19.

⁸ Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928. (Вопр. поэтики. Вып. XII); Он же. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986; Он же. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. СПб., 1995.

-
- ⁹ *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура // In *memoiam*. СПб., 2003.
- ¹⁰ *Крюков М.В.* Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (на примере типологии жилища) // *Типология основных элементов традиционной культуры*. М., 1984. С. 7.
- ¹¹ *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX – начала XX в.). // *Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая*. Новая серия. Т. XIII. М.; Л., 1959; *Он же.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.
- ¹² *Лобачева Н.П.* О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения) // *СЭ*. 1973. № 4. С. 14–24; *Она же.* Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии*. М., 1975. С. 298–333, 200; *Она же.* Что такое свадебный обряд (опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности) // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 4. С. 55–64.
- ¹³ *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985.
- ¹⁴ *Шарифуллина Ф.Л.* Традиционная свадебная обрядность молькеевских кряшен // *Молькеевские кряшены*. Казань, 1993. С. 98–116; *Шарифуллина Ф.Л., Уразманова Р.К.* Опыт типологии традиционной свадебной обрядности татар Поволжья и Приуралья // *Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья*. Казань, 1991. С. 116–126.
- ¹⁵ *Уразманова Р.К.* Традиционные общественные праздники и свадебные обряды // *Пермские татары*. Казань, 1983. С. 118–136.
- ¹⁶ Шарифуллина Ф.Л., Уразманова Р.К. Указ соч... С. 125.
- ¹⁷ *Азизова Н.Р.* Свадебная и похоронно-поминальная обрядность астраханских татар (конец XX – начало XXI в.): историко-этнографическое исследование. Астрахань, 2002.
- ¹⁸ *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М., 2001.
- ¹⁹ *Касимова Д.Г.* Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX – XX в.) Ижевск, 2003.
- ²⁰ *Коломиец О.П.* Свадебная обрядность татар Среднего Прииртышья: конец XIX – XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004.
- ²¹ *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары, 2007.
- ²² *Коломиец О.П.* Указ. соч. С. 18.
- ²³ *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 120–173.
- ²⁴ Там же. С. 167.

Этнический стереотип как основание политического поведения

Феномен политического поведения теснейшим образом связан с национальной культурой, «национальным характером». При всей относительности понятия «национальный характер» это явление имеет глубокую природу. Национальный характер не складывается из суммы характеров отдельных людей и далеко не всегда может быть описан в четких, рациональных категориях и определениях. Это своего рода «коллективное бессознательное», присутствующее в поведении людей, совокупность эмоциональных проявлений, способов поведения, волевых качеств, которые способны регулировать психическую активность человека, определять предметы его внимания, выделять приоритетные для него источники информации и т.д. Такие настроения и переживания аккумулируются всей национальной культурой, историческим опытом нации, ее традициями, обычаями, жизненным укладом. При том, что установки каждого человека носят в целом предельно индивидуальный характер, система общественного воспитания, практика совместной жизни позволяют личности в большей или меньшей степени перенимать и такой коллективный психологический опыт. Кроме того, на любого человека влияет энергетика данного общества, эмоциональный фон, отражающий преобладающие в обществе настроения, чувства, общее «расположение духа».

Национальная политическая культура может быть представлена как один из компонентов национального характера. Это политический темперамент, преобладающие политические эмоции, психологическая аура национального политического пространства. Поэтому в состав национальной политической культуры не всегда могут быть интегрированы какие-либо конкретные идеологические концепции, теории, программные установки общественного развития. С другой стороны, в политической культуре того или иного этноса присутствует и значительный момент рациональности, осознанности, целесообразности. В современном обществе в условиях существования развитой системы государственных и негосударственных политических институтов, широкого партийного спектра, растущей политической роли средств массовой информации существует достаточно много каналов трансфор-

мации «политического менталитета» в систему рационализированных установок, идеологических принципов.

Более того, история XX в. показывает, что подсознательные реакции человека, порожденные массовой энергетикой, эмоциональным фоном общественной жизни, экспансивностью и темпераментом символических фигур общенационального масштаба, оказывают на политический процесс все большее влияние. Исследование политического поведения ставит проблему выявления оснований и факторов, определяющих тот или иной характер поведения. Поведение обычно рассматривается с позиций философии, психологии, социологии и ряда других наук. При этом каждое из научных направлений исследует специфическую форму проявления поведения. Так, философский подход при исследовании типичного поведения индивидов и социальных групп предполагает обращение к таким понятиям, как «ментальность», «национальный характер» и т.п. Однако, по мнению М. Вебера, «всякие попытки сослаться на “национальный характер” означают лишь признание своего непонимания сути явления»¹. Несмотря на это утверждение, именно М. Вебер создал теорию рационального действия и успешно использовал ее как инструмент анализа для изучения такого феномена, как *изучение и интерпретация образцов типичного поведения* людей, в процессе которого создается политическая реальность. Политологи данного направления исходят из того, что характер общества, демократичность или авторитарность его институтов, содержание политической жизни есть производное от особенностей социально-политических действий субъектов политического процесса. Своими корнями данное научное направление уходит в герменевтику (от греч. *hermeneutikos* – истолковывающий) – искусство и теорию толкования древних текстов и памятников. Представители этой парадигмы используют методы интерпретации чужой индивидуальности, поведения людей, выявляют их мотивы и значения, учитывая при этом социально-культурный контекст, в котором реализуется их деятельность. Поняв таким образом характер типичного поведения людей, можно создать неидеологизированное представление об обществе, о характере политической жизни. Если субъекты, как руководители, так и руководимые, в своем большинстве совершают действия целенаправленные, осмысленные, понятные и предсказуемые, то общественные и политические структуры будут отличаться высокой степенью своей организации и рациональности. И наоборот, если в поведении субъектов пре-

обладают эмоционально окрашенные действия, основанные на ценностно-религиозных мотивах, традициях или базирующиеся на партикуляристских отношениях – симпатиях и антипатиях, чувствах личной преданности к вождям, старейшинам, политическим лидерам, лояльности к «своим» при негативном отношении к «чужакам», то такое общество не может иметь рационально функционирующих политических институтов².

Понятие стереотипа поведения близко к понятию социально-политической нормы, которые являются исторически сложившимися правилами поведения и оценки действий человека в русле плохо – хорошо. Но в отличие от нормы стереотипы поведения стандартизируют также и неправильное поведение. Общечеловеческие нормы и модели поведения полностью детерминированы биологическими свойствами человека, но существенно коррелируются политическими, социокультурными механизмами. Стереотипы поведения диктуют как форму, так и содержание действий. Стереотипное поведение не нуждается в мотивации. Самым весомым аргументом в пользу такого способа действия служит ссылка на закон предков.

С другой стороны, не следует преувеличивать роль стереотипа, так как модель политического поведения и реальное политическое поведение – это разные вещи. *Стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в конкретных способах, обрядах, обычаях, этикете, труде, методах воспитания и т.д.* В идеале стереотип и его реализация должны совпадать, но реально между ними всегда есть расхождение, причем каждое общество вырабатывает свои стандарты строгости и терпимости к нарушениям в разных сферах поведения. Поскольку стереотипы не навязаны сверху, а внутренне присущи человеку, кроме внешних регуляторов большую роль играют внутренние – стыд, страх, вина, честь.

Из всего многообразия этнических стереотипов важно выделить группу стереотипов восприятия, под которыми обычно понимается упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей. Например, с помощью этнических стереотипов формируется значительная часть представлений о разных народах, с помощью профессиональных или социальных – формируется обобщенное, схематическое восприятие о врачах, военных или студенчестве.

Содержание этнических стереотипов определяется тремя группами факторов:

- спецификой стереотипизированной группы, т.е. особенностями этнической группы, закрепленными в культуре и обыденном сознании ценностями, выработанными в ходе общественно-исторического развития;

- социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент;

- длительностью и глубиной исторических контактов с другими этносами.

Исследователь социологии и психологии национальных отношений З.В. Сикевич отмечает: «как и любой другой вид социальных стереотипов, этнический стереотип может быть по своему характеру *автостереотипом*, то есть описывающим собственную группу, или *гетеростереотипом*, описывающим другую этническую группу. Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание черты идеала собственного этноса, подчеркнуть наиболее самобытные качества национального характера. Например, группы с более высоким статусом в экономической сфере характеризуют себя как компетентные и добившиеся экономического успеха, а группы с более низким статусом – как отличающиеся добротой, сердечностью, гуманностью и т.п. Основой гетеростереотипов является такое свойство этнических стереотипов, как антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида»³. Внешность действительно часто выступает важным признаком, несущим в себе информацию об этнической принадлежности субъекта. Признаки, из которых слагаются внешний облик и поведение, могут иметь освещительное значение и выполнять регулятивную функцию. В гетеростереотипах на уровне обыденного сознания внешний облик представителя соответствующей этнической общности чаще всего связывается с определенными психологическими чертами человека. На основе этих стереотипов неизбежно создаются соответствующие типы поведения и общения между людьми.

Этнические образы и стереотипы поведения в явной или скрытой форме существуют во всех областях жизнедеятельности этносов и в каждую конкретную эпоху воспринимаются этносом как единственно возможный способ сосуществования с другими этносами. Структура

этнического стереотипа поведения проявляется в виде строго определенной системы отношений, отражающей разные типы социально-политических связей в этнической общности. Изменения в жизни этноса обуславливают коррекцию норм поведения, социально-психологических установок и этнических представлений. В качестве факторов изменения поведения этнической группы могут выступать исторические, экономические, политические, демографические, религиозные, а также особенно обострившиеся в последнее время экологические и технические факторы. Таким образом, этнические стереотипы поведения так же динамичны, как сам этнос. Этот вывод подтверждают и многочисленные результаты исследований ученых, фиксирующих довольно сильные вариации в поведении представителей различных этнических групп.

Несколько иным элементом этнического самосознания является этнический образ. В отличие от этнического стереотипа поведения, который предполагает соответствие определенным социально-политическим нормам, этнический образ представляет собой форму краткого описания, в котором выделяется какое-то одно типическое свойство, основывающееся на чувственном восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом.

Разумеется, как и любые стереотипы, этнические образы лишь частично похожи на оригинал и в значительной степени отличаются от него. Истинность этих образов не так и значима, но важно, что такие образы существуют и работают в межкультурных контактах и обостряются в политических конфликтах. Мы склонны воспринимать человека в рамках этнического образа и очень удивляемся, если конкретный человек из этого образа выбивается. Поэтому ориентация на особенности этнических образов при анализе политического поведения может привести к большим ошибкам. Тем не менее, вступая в контакт с представителями другого этноса, желательно знать этнический образ своего народа в глазах других, ведь именно в рамках этого образа нас будут воспринимать при первом контакте.

Таким образом, при изучении оснований политического поведения следует учитывать этнический образ, и это будет тем более полезным, чем более будет соответствовать центральной системе ценностей и

культуры данного народа. Но так бывает не всегда, и ориентация на этнические стереотипы способна усложнить и без того непростые межэтнические отношения. Каждому этносу и каждому отдельному человеку свойственен полный набор социальных, этнических, психологических характеристик. Другое дело, что степень выраженности тех или иных качеств у разных этносов различна. Это является объективным фундаментом для исследования и оценки глубинных оснований и характера политического поведения.

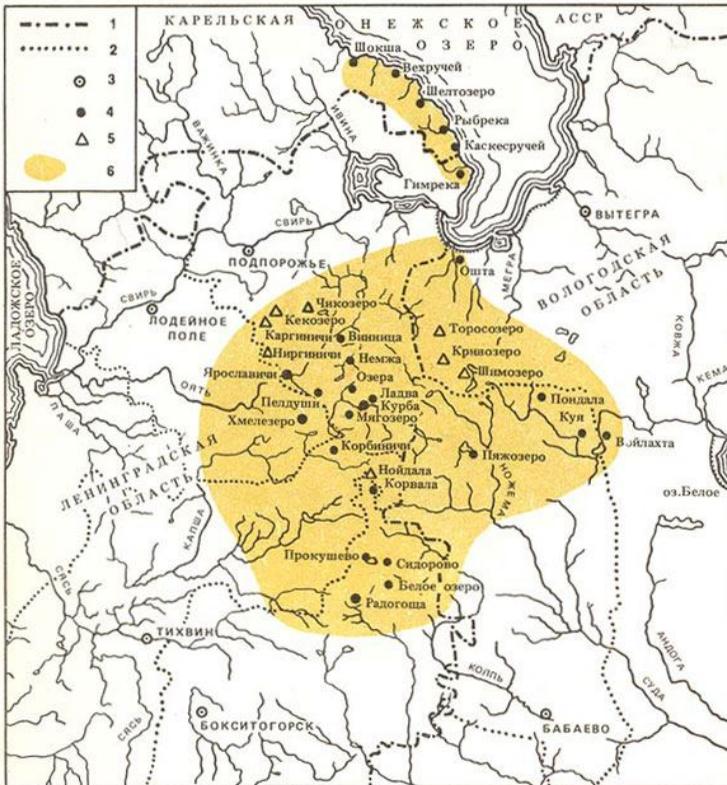
¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 104.

² Шестопал Е.Б. Политическая психология. М., 2007. С. 256.

³ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Вепские названия

Сегодня единый по самоопределению народ вепсы разделен на три группы, которые расселены на территории Межозерья – между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Одна группа северных (прионежских) вепсов живет на юго-западном побережье Онежского озера, при устьях впадающих в него небольших рек, вторая – в верховьях южных притоков Свири и в Северном Белозерье, третья – в верховьях р. Лидь. Большая часть вепсов проживает в городах. Так, по недавно опубликованным данным переписи 2010 г., общая численность вепсов составила 5936 человек, из них 2588 – жители сел.

Ежегодно, начиная с 1996 г., в Карелии проходит конкурс знатоков карельской топонимики «Родные сердцу имена», инициатором проведения которого стал Шелтозерский вепсский этнографический музей. Темы работ совершенно разные: «Топонимы близ с. Шокша», «Шелтозеро. Малые деревни», «Топонимы окрестностей с. Ошта Вологодской области», «Из истории села Пяж-озеро» и др. Своеобразным итогом семилетней работы по собиранию топонимов стал сборник «Свод географических названий Вепсской национальной волости». Это доказывает интерес вепсского народа к своей истории, культуре и языку.

Рассуждая о вепсских названиях, в первую очередь следует понять происхождение самого этнонима «вепсы» («*vepslaized*», «*bepslaized*»), который известен лишь в некоторых вепсских говорах. Он распространен в основном у южных вепсов (в форме «*bepslaized*») и у части средних вепсов в верхнем течении р. Ояти. Название этой реки происходит от вепсского *oja* – «ручей». Однако, по мнению И.И. Муллонен, этимология этого гидронима гораздо сложнее. В качестве рабочей гипотезы она предлагает связь топонима с вепсск. *uít* – «(большая) лужа, мелкая ламба, пруд». И.И. Муллонен также указывает, что на Урале есть оз. Аятское (в старых документах также Оять), название которого связано с мансийск. *aiit*, *oit*, *aiit* – «луг, заливной луг», «луговое озеро»¹. Созвучие, возможно, случайное, добавляет И.И. Муллонен, однако нельзя полностью исключить возможности общего источника наименования.

В прошлом этноним «вепсы» имел явно более широкий ареал. Об этом свидетельствует, например, то, что паданские карелы называют вепсами («*vepsad*») своих южных соседей – карел-людиков. В пограничной зоне расселения карел-людиков и собственно карел в северо-западном Обонежье сосредоточена и группа топонимов с основой *veps-/вепс-*, что отмечает границу бывшего распространения вепсов в северо-западном Обонежье. Прионежские вепсы, а также часть приоятских вепсов (западные говоры) называют себя так же, как и карелы-людики, людиками («*ludiniik*», «*ludilaine*»), а свой язык соответственно людиковским (ср.: *pagista ludiks* – «говорить по-вепски»).

Активное функционирование этнонимов характерно для зон межэтнического контактирования. Там же, где контакты были ограничены, этнонимы не получили особого развития. Эта закономерность особенно наглядно проявляется в восточновепском ареале, в глухом углу Онежско-Белозерского водораздела, где у вепсов никакого особого

самоназвания нет. Они называют себя и соплеменников просто «tahine», «tagalaine» – «здешний».

Вепсский язык формировался под воздействием соседних языков – русского, карельского, финского, саамского и др. Так, прослеживаются заимствования из латышских (tātar – «дочь», heimo – «родня, племя», vill – «шерсть», kirvez – топор, lohi – «лосось»), германских (kana – «курица», paid – «рубашка», leib – «хлеб», kuld – «золото»,raud – «железо», peld (ryud) – «поле», nagl – «гвоздь»), славянских языков (vdrtin – «веретено», ikuin – «окно», lduv – «хлев», luzik – «ложка»), и др.²

Карелия – страна рек и озер, как называют ее многие. Каждый ручеек имеет свое название и соответственно свою этимологию.

Название реки **Чога** – от вепсск. oga, uga – «угол» встречалось и в саамском языке. Название ручья **Кильмуя** – от вепсск. Kil'moja – «холодный ручей» характерно для многих родников и ручьев в местах современного или раннего проживания вепсов.

В Карелии многие озера имеют в своих названиях окончание «озеро». Рассмотрим некоторые из них: **Шугозеро** и **Пашозеро** имеют вепсские названия – ugarv и Paks'jdr'v, но их этимология неясна. Название **Кивозеро** имеет несомненные прибалтийско-финские корни – вепсск., карельск., финск., эстонск. kivi – «камень». Подобные названия очень распространены на территории расселения вепсов – редко у какой деревни не протекает Кивручей или Кивоя. Основа «шим» гидронима **Шимозеро** (вепсск. Шимгяр), согласно А.В. Кузнецову, является мерянской. В языке мери (исчезнувшего ныне финно-угорского языка) «шем» – «черное, ржавое». По мнению А.В. Кузнецова, «оба значения мерянского “шем” находят подтверждение в природе самого Шимозера. Во-первых, оно бессточное, а именно такие озера у финно-угорских и русского народов называются “черными”. Кроме того, Шимозеро – это периодически исчезающий водоем, у которого в иные годы почти вся вода уходит в карстовую воронку в самом конце узкого залива-протоки, что находится в юго-восточной части Пюгкозера – так называется восточная половина Шимозера. Воронка по-вепсски называется “Musthoid”, а по-русски “Черная Яма”. Видимо, здесь отражено значение более древнего мерянского гидронима – “Черное озеро”. У топонима Черная яма имеется пара – в соседнем **Долгозере** есть карстовая воронка Белая яма. Пары названий с определениями “черное” – “белое” имеются в языках многих народов и кроме цветových обозначений могут иметь смысл “северное – южное”, “большее – меньшее”,

“отрицательное – положительное”». Интересно в этой связи то, что шимозерские вепсы в своих легендах об этих Ямах отмечают как раз отрицательное начало водяного, жившего в Черной Яме, и положительное – у водяного из Белой Ямы. Об интересной мерянско-вепско-русской метонимической кальке: Шимозеро (марийск. шим «черный» – вепск. Must Houd) = русск. Черная Яма, ссылаясь на А.В. Кузнецова, упоминает известный ученый-топонимист А.К. Матвеев³.

По данным А.В. Кузнецова⁴, название **Лухтозера** происходит от вепского *luht* – «заливной луг». В обосновании своей версии он сообщает, что Лухтозеро относится к типу периодически исчезающих водоемов. В основе названия Лухтозера может лежать также саамское *luht* – «залив».

В качестве гипотезы А.В. Кузнецов связывает гидроним **Куштозеро** с вепск. *куушшом* – «еловый лес, ельник». Вепское название озера – Куштарь. По всей видимости, название связано с карельским *косте*, *коште*, саамским *киэст* «заводь, укрытие», в топонимах обычно – «подветренный берег». В Карелии, по данным Н.М. Мамонтовой, от данной основы происходят следующие названия – Костомукша, Костомукса, о. Костьян, р., пос. Кестеньга, Кестоя.

Согласно А.В. Кузнецову⁵, вепсы, живущие на озере **Пяозеро** (вепс. Пяжарь), сравнивают его с вепским *пя* – «голова, вершина, верхушка», однако А.В. Кузнецов считает, что, вероятно, название озера имеет саамское (лопарское) происхождение – саамск. *пьясь* – «берега; береста» (ср. название озера в писцовых книгах 1496, 1563 гг. – Пязьозеро).

Название **Шола** А.В. Кузнецов связывает с мерянским *шола* – «вязь»⁶, а также приводит версии, в том числе саамское *суол* – «остров». По-вепски река называется **Шала**. Связать это название можно с карельским *салу*, *шалу* – «бор; лесная глушь», в Карелии от этой основы, по данным Н.М. Мамонтовой, происходят следующие названия – о. Сало, Салоостров, Сальнаволок, Салонярви, р. Шалица, Шалсари.

Название реки **Колпь** славянского происхождения. Реки Колпь, Колпица, Колпяна неоднократно встречаются в центральных и западных областях Европейской части Российской Федерации. Эти названия связаны со словами *колпь*, *колпик*, *колпица*, которые в разных русских и украинских говорах означают то самку лебедя, то вид цапли.

По Яшеозерской дороге по тропе Теддручейской – озеро **Теддручейское** (вепск. «тетерев»). Очевидно, рядом с этим озером птицы

собирались на тока. Судьба названия озера очень трагична, так как на картах после 1970-х годов оно зовется Кривым. Местные жители помнят только первое название.

Карг озеро в 1533 г. упоминается впервые в духовной грамоте князя Кемского как **Каргач** озеро. Его название может происходить от финского *karhu* – медведь или от лопарского каргач – заросшее травой место на озере.

Шуйга – в первую очередь было названием реки, а потом уже населенного пункта, стоящего на ее берегу. Наиболее убедительна прибалтийско-финская версия происхождения названия, в соответствии с которой Шуйга – «болотистая река» (ср. карельское Шуоёги, вепское Соёги).

Достаточно часто встречается в названии поселков слово «сельга». Например, **Михеева Сельга**, **Емельянова Сельга**, **Курганова Сельга**, **Ежесельга**. Вероятно, эти названия произошли от фамилии. Сельг (вепск.) – это хребет, спина, т.е. возвышенное место⁷.

Интересен с точки зрения топонимики **Бокситогорский район**. Территории двух исторических погостов на территории района – **Пёлушского** и **Койгушского** – представляют два этноязыковых ареала. Бывший Пёлушский погост – это южновепсская, Койгушский – русская территория. Граница проходит по деревне **Радогощь** (в XV в. пограничное поселение Койгушского погоста). Анализ топонимии свидетельствует о том, что в прошлом деревни на территории обоих погостов были вепскими. Вепские корни характерны для окоинимов (названий поселений) **Койгуши** «Койвуши» (вепск. *Koiv* «береза») и **Пудрино**: (вепск. антропоним *Pudr* «загуста, мучная каша»). Вепское наследие представлено и в других топонимных разрядах, главным образом в наименованиях объектов, удаленных от поселений – лесных урочищ, озер, болот: **Оласово болото**, **Сусарь**, **Мумсарь**, **Курручей**, **Мерозерки** и т.д. Надо полагать, что вепская топонимия в прошлом была на этой территории более представительна, однако со временем была утрачена. Наглядным примером того, как происходит смена старой вепской топонимии на русскую, может служить название озера Борисовского, на берегу которого расположена деревня **Борисовщина**. Прежнее же наименование озера отразилось в названии колхоза **«Конго»**, появившегося в Борисовщине в 1930-е годы. Это подтверждают материалы генерального межевания XVIII в.: на карте озеро Борисовское названо «Конго». В таком виде название не поддается

надежной этимологии, однако анализ наименований поселений, приведенных в писцовых книгах Обонежской пядины 1496 г., указывает на то, что озеро Конго названо в них **Кангасозерком**.

Названия рек **Шокша** и **Тукша** также относятся к категории названий неясного происхождения. Их нельзя объяснить средствами русского, вепсского, саамского языков. Однако, вероятно, название Тукша относится к саамскому пласту, а Шокша имеет волжско-финское происхождение (ср. марийск. шокш – «рукав, приток реки»).

Известно, что одноименные объекты есть в Ленинградской области, в Мордовии, на Урале, в Сибири и т.д. Село Шокша – это соединение нескольких деревень: Сюръя (вепсск. Surja – «край, сторона»), Кара (вепсск. Kar – «яма»), Пинжа – от фамилии Пинжаковы, Средь-волость (keskula – «средняя деревня»), Войникишта, Васильевская (Посад), Герча – от фамилии Герчины, Чога (вепсск. Сщп – «угол»). Несколько десятков лет тому назад эти деревни официально превратились в улицы: Горную, Подгорную, Васильевскую. Исконные названия преданы забвению, т.е. местные жители – старые и молодые – называют деревни по-старому, а вот вновь приезжающие (а их на данной территории все больше и больше) – нет.

Подъезжая к Шокше со стороны Петрозаводска, мы видим на трафарете название речки «**Горная**». Испокон веку шокшинцы называли эту речку **Хознега**. На старой карте, двухверстке, выпуска 1942 г., речка названа Гозняя. К сожалению, на карте 1993 г. эта речка названа Горная. А ведь именно с Хознегой у местного населения связано много воспоминаний. Так, до Хознеги провожали раньше девчата парней в армию, на войну.

Деревня **Вангимова Сельга** находилась южнее с. Шокша (в 8 км). Название населенного пункта имеет вепсское происхождение: Сельга – вепсск. «кряж» – вероятно, фамилия жителей или первопоселенцев. Деревня действительно находится на возвышенности, горе.

Поля также имели свои названия: **Кёршун дорог** (поля и покосы по правую руку в сторону Матвеевой Сельги), **Крикунзапольк** (поле в сторону Крюкова озера), **Вилльшёуд** (картофельные поля и покосы по правую руку от дороги), **Кайдакуин** (поля за магазином), **Мельниц пёуд** (поля за мельницей), **Лупуорг** (поля севернее деревни, вязкие, топкие места), **Харгай-ручей нийтуд** (поля по Яшеозерской дороге).

В топонимах содержится указание на традиционную дорожную сеть, формировавшую связи между поселениями: ср. поле Matkaazed –

вепсск. Matk (путь, дорога), оз. Siidjarv – вепсск. siid (мост), поляна Pagastte – (Погостская дорога, т.е. дорога, ведущая к погосту).

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать вывод о том, что вепсы никогда не были «закрытым» народом. Они всегда имели контакты с другими культурами, взаимодействовали с разными народами, влияли на их культуру и испытывали влияние на свою собственную. Один из самых верных способов проследить за межкультурными коммуникациями на протяжении всей истории развития народа – пытаться объяснить и расшифровать топонимы с помощью живых языков.

¹ Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 85.

² Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 3.

³ Матвеев А.К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. Гуманитарные науки. Вып. 1.

⁴ Кузнецов А.В. Названия вологодских озер: словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995. С. 46.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Там же. С. 88.

⁷ Муллонен И.И. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн р. Свирь). СПб., 1997. С. 40.

Краниологическая серия из Букеевской степи в контексте изучения антропологии позднесредневековых кочевников

«...степь своей объединяющей и замиряющей силой сближает народы; вот почему мы так часто в течение веков на восточном горизонте видели большие племена, сближенные исключительно силою степной среды и появившиеся политически цельными, но антропологически и этнографически раздробленными на многочисленные группы»

Алексей Харузин

О важности палеоантропологических материалов для реконструкции этногенетических процессов написано немало работ¹. Антропологические материалы являются ценным источником исторической информации. Предлагаемая вашему вниманию работа посвящена обзору основных итогов изучения краниологической серии из Букеевской степи, а также выявлению перспектив ее дальнейшего исследования.

Букеевская степь локализуется в междуречье Волги и Урала; большая ее часть находится на территории нынешних Западно-Казахстанской и Атырауской областей Республики Казахстан. Краниологическая серия из Букеевской степи была получена в результате раскопок Алексея Николаевича Харузина 1890 г. в бывшей Астраханской губернии. В процессе раскопок было исследовано 36 курганов. Археологические работы проводились в трех местах: у Ханской Ставки (ныне поселок Урда Бокей-Ординского района Западно-Казахстанской области), у поселка Ново-Казанка (населенный пункт в Жингалинском районе Западно-Казахстанской области) и у поселка Таловка (Зеленовский район Западно-Казахстанской области). В общей сложности получено 29 черепов². На основании данных археологии А.Н. Харузин предлагает датировать большую часть раскопанных курганов (кроме трех курганов таловской группы) XIV в., т.е. временем расцвета Золотой Орды³.

А.Н. Харузин провел комплексное исследование полученных антропологических материалов и предположил, что население, оставившее изученные курганы Букеевской степи, явилось результатом сме-

шения нескольких совершенно разнородных элементов. Характеризуя краниологическую серию в целом, исследователь обращает внимание на «невystупающие скулы, среднюю величину черепа, узкое межглазничное пространство, умеренно расширенный нос, умеренный глазничный указатель, ... развитые надбровные дуги, выступающие носовые кости, отсутствие сплюснения лица, отсутствие прогнатизма, резкость краев носового отверстия, выступающий носовой шип, оси глазниц, пересекающиеся под тупым углом, открывающимся книзу»⁴. Такие характеристики позволили А.Н. Харузину категорично «отрицать монгольство» (т.е. принадлежность к монголоидной расе) большинства исследованных черепов. Тем не менее он отмечает наличие нескольких черепов «с более или менее ясно выраженными (хотя и слабо) монгольскими чертами». Полученную серию черепов автор разделяет на четыре типа. Первые два типа, согласно А.Н. Харузину, характеризуются преобладанием европеоидных черт с незначительной примесью монголоидности. Третий тип выделяется резко выраженными монголоидными особенностями; четвертый, напротив, не содержит «каких бы то ни было монгольских черт»⁵. (Справедливости ради стоит отметить, что в основе выделения третьего типа лежат два черепа, последний тип представлен только одним черепом.)

Сопоставляя результаты изучения серии черепов из курганов Букеевской степи с уже известными на тот момент данными, А.Н. Харузин приходит к выводу, что «племя, которому принадлежали эти курганы, очевидно, не стояло близко к монгольской группе, но, с другой стороны, еще более удалилось по своим антропологическим чертам от группы иранских народов; это племя было, вероятно, тюркское, носящее мало монгольских черт, причем племя, не имевшее ничего общего с таким тюркским народом, как узбеки или башкиры и, напротив, стоявшее очевидно ближе всего к ногайцам, хотя и не представляло тождественного типа с ними»⁶.

К интересующей нас серии исследователи вновь обратились в 1930-х годах. Г.Ф. Дебеч в работе «Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии»⁷ исследовал четыре краниологические серии, относящиеся к населению Золотой Орды. Черепа из курганов Букеевской степи, согласно выводам Г.Ф. Дебеча, «совсем резко отличаются от остальных по всем признакам лицевого скелета», что явилось следствием гибридизации «турецкого» типа с каким-то европеоидным типом, установить принадлежность которого

автор счел невозможным⁸. Серия характеризуется явным преобладанием европеоидных черт⁹. Г.Ф. Дебец обращает внимание на несомненное сходство антропологических особенностей населения, оставившего курганы Букеевской степи, и сармат территории Нижнего Поволжья¹⁰.

Следующей вехой в изучении серии из Букеевской степи стали исследования Т.А. Трофимовой, касающиеся антропологии золотоордынского населения. Вслед за А.Н. Харузиным Т.А. Трофимова вновь разбивает черепа интересующей нас серии на типы. Согласно полученным выводам, из 15 хорошо сохранившихся черепов 9 характеризуются европеоидным брахикранным типом, 4 несут небольшую монголоидную примесь и только один является монголоидным. Типы Т.А. Трофимовой с небольшими оговорками почти полностью соответствуют типам, выделенным А.Н. Харузиным. Автор обнаруживает сходство букеевских черепов и изученной ею серии из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы (под Астраханью). Серия из Букеевской степи «в равной мере брахикранный, с несколько меньшими абсолютными размерами черепа, несколько более низкоголовая, с немного более узким лицом по абсолютным размерам, немного более ... низкоорбитная, отличающаяся лишь более наклонным лбом, менее ортогнатным лицом, более выступающим носом и более сильно выраженным надбровьем». По остальным признакам, заключает Т.А. Трофимова, черепа из Букеевской степи, Шаринного бугра и Стрелецкой слободы не отличаются¹¹.

Говоря о перспективах дальнейшего исследования черепов из курганов Букеевской степи, стоит отметить, что краниометрические измерения должны быть проведены по полной программе. Кроме того, важно изучение дискретно варьирующих признаков на этих черепах, что не было предпринято до сих пор. Изучение таких признаков, между тем, может «служить богатым источником данных об индивидуальной и групповой изменчивости»¹². Сопоставление нашей серии с другими при помощи статистических методов позволит получить более полную картину антропологических особенностей средневекового кочевого населения степей юга Восточной Европы.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что, несмотря на неоднократное обращение исследователей к краниологической серии из Букеевской степи, сохраняется значимость ее дальнейшего использования в качестве исторического источника.

-
- ¹ *Алексеев В.П.* Историческая антропология. М., 1979; *Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография. 1952. № 1. С. 22–36.
 - ² Краниологическая серия из Букеевской степи хранится в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ.
 - ³ *Харузин А.Н.* Курганы Букеевской степи // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 64 (Тр. антропологического отдела. Т. 11. Вып. 2). М., 1890. С. 117.
 - ⁴ Там же. С. 106.
 - ⁵ Там же. С. 115.
 - ⁶ Там же. С. 113.
 - ⁷ *Дебец Г.Ф.* Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1.
 - ⁸ Там же. С. 59–60.
 - ⁹ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948. С. 271.
 - ¹⁰ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР: Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. 1936. № 1; *Он же.* Палеоантропология СССР. М., 1948. С. 271.
 - ¹¹ *Трофимова Т.А.* Краниологический очерк татар Золотой Орды // Антропологический журнал. 1936. № 2. С. 181; *Она же.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. С. 20.
 - ¹² *Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. Вып. 51. М., 1975. С. 127.

**Первые поселенцы о.-г. Свяжск.
Комплексное палеоантропологическое исследование
останков мужчины с погоста Успенско-Богородицкого
монастыря**

В 2010 г. в сборнике по итогам конференции молодых ученых «Историко-культурное наследие и современная этнология» была опубликована статья одного из авторов настоящей работы, посвященная анализу антропологического состава населения Свяжска XVI–XVII вв.¹ Среди рассмотренных там материалов встретились костные останки одного индивидуума с патологическими изменениями практически всех костей. Поэтому была поставлена задача наряду с краниологическим, остеологическим и одонтологическим изучением останков провести изучение редкого симптома комплексов.

Поступивший для исследования костяк был получен из раскопа у абсид Успенского собора, погребение № 2. Дневной уровень погребения был срезан позднейшей планировкой, остатки гробовища зафиксированы в виде древесного тлена. Усопший был похоронен по классическому православному обряду – на спине, головой на юг – юго-запад, лицом вверх, руки согнутые в локтях, покоятся на животе.

Изучение костяка проводилось по стандартной краниологической и остеологической программ². Однотометрическое и одонтоглифическое обследование проводилось в соответствии с методикой А.А. Зубова³. При определении возраста по степени стертости зубов применялась шкала Лавджоя⁴. Оценка значений остеометрических признаков проводилась по В.В. Бунаку и Н.Н. Мамоновой⁵. Индикаторы физиологического стресса и костные аномалии фиксировались по стандартной программе⁶. Обнаруженные патологические изменения интерпретировались методами дифференциальной диагностики и палеопатологии⁷. По всем трем методикам установлено, что останки принадлежат мужчине 35–45 лет.

Краниометрические данные исследуемого индивида представлены в табл. 1. Череп мужчины характеризуется средним продольным и височным диаметрами и большим поперечным диаметром. Величины черепного указателя свидетельствуют о мезокрании. Форма черепа сверху сфероидного контура. Лобная кость среднеширокая, слабоизо-

гнутая, с сильно развитыми надбровными дугами и надпереносьем. Затылочная кость широкая со средним перегибом в области затылочного бугра. Мышечный рельеф затылка выражен умеренно.

Лицевой отдел по ширине очень широкий, по высоте очень высокий, но по пропорциям попадает в категорию лептенных. Орбиты очень высокие и очень широкие. По форме, визуальнo, подквадратного очертания. Носовой отдел характеризуется очень большой высотой и малой шириной. Нижний край грушевидного отверстия заостренной (антропинной) формы. Развитие передненосовой ости характеризуется как хорошо выраженное.

По углам вертикальной профилировки и указателю выступания лица череп относится к мезогнатному типу. По степени уплощенности лицевой отдел черепа мужчины слабо профилирован на уровне орбит и очень сильно на зиго-максиллярном уровне. Переносье имеет большую величину симотического и очень большую дакриального указателей при очень большом угле выступания носовых костей. Глубина клыковой ямки незначительной величины.

Череп мужчины имеет европеоидное строение: клиногнатность лица, очень большой угол выступания носовых костей. Однако его отличают очень большие размеры, высота лица, орбит и носа (табл. 1). Величина верхней высоты лица свойственна представителям монголоидной расы.

Такое сочетание признаков представляет собой индивидуальную особенность и не находит аналогии среди антропологических вариантов, характерных для населения России. Подобный комплекс признаков мы обнаружили на черепе Архиепископа Суздальского Арсения Елассонского, о котором достоверно известно, что он был грек Ом (табл. 1)⁸. Можно предположить, что они оба были представителями восточно-средиземноморской ветви европеоидной расы.

Одонтологическое исследование показало, что на зубах рассматриваемого черепа присутствуют признаки, характерные и для восточного и для западного одонтологических стволов. Так, свидетельством восточного влияния является крыловидная ротация и легкий лингвальный краудинг на нижних и двусторонняя лопатообразность на верхних резцах, дополнительный дистальный гребень на нижнем клыке (параллелен краевому гребню), третий тип формы первой борозды параконуса на третьем верхнем маляре и умеренное развитие протостилида на третьем нижнем маляре. На проявление отдельных запад-

ных тенденций указывают межкорневой затек эмали (первый и второй нижние маляры; 4 балла) и наличие двукорневого первого верхнего премоляра.

Таблица 1

Краниометрические размеры мужчины с кладбища Успенского-Богородицкого мужского монастыря и Архиепископа Суздальского Арсения Елассонского

Признак по Мартину	Исследуемый костяк	Арсений Елассонский (Пежемский, 2008)	Признак по Мартину	Исследуемый костяк	Арсений Елассонский (Пежемский, 2008)
1. Продольный диаметр	184,0	186,0	Глубина клыковой ямки	3,0	4,5
8. Поперечный диаметр	146,0	144,0	77. Назо-малярный угол	146,0	131,4
17. Высотный диаметр	135,0	134,0	Zm. Зигмаксиллярный угол	117,4	125,4
5. Длина основания черепа	106,0	106,0	32. Угол профиля лба	-	75,0
9. Наим. ширина лба	95,0	102,0	72. Общий лицевой угол	81,0	86,0
10. Наибольшая ширина лба	124,0	122,0	75(1). Угол выступа носа	40,0	42,0
11. Ширина основания черепа	139,0	127,0	68(1). Длина ниж. челюсти от мышц.	126,0	114,0
12. Ширина затылка	115,0	115,0	79. Угол ветви ниж. челюсти	139,0	127,0
45. Скуловой диаметр	139,0	136,0	68. Длина ниж. челюсти от углов	94,0	78,0
40. Длина основания лица	104,0	103,0	71a. Наим. ширина ветви	32,0	33,0

48. Верхняя высота лица	83,0	78,0	65. Мыщелковая ширина	134,0	130,0
47. Полная высота лица	137,0	133,0?	66. Угловая ширина	112,0	108,0
43. Верхняя ширина лица	103,0	107,5	67. Передняя ширина	45,0	48,0
46. Средняя ширина лица	94,0	97,0	8/1. Черепной указатель	79,3	77,4
60. Длина альвеолярной дуги	60,0	54,0?	17/1. Высотно-продольный указатель	73,4	72,0
61. Ширина альвеолярной дуги	61,0	-	17/8. Высотно-поперечный указатель	92,5	93,0
55. Высота носа	57,0	52,0	9/8. Лобно-поперечный указатель	65,1	70,8
54. Ширина носа	24,0	26,6	40/5. Указатель выступления лица	98,1	97,1
51. Ширина орбиты от mf.	45,0	43,1	48/45. Верхний лицевой указатель	59,7	57,3
52. Высота орбиты	37,0	33,5	54/55. Носовой указатель	42,1	51,1
Высота изгиба лба	23,0	23,5	52/51. Орбитный указатель	82,2	77,7
Высота изгиба затылка	26,0	28,2	SS/SC. Симметрический указатель	57,1	52,4
20. Ушная высота	116,0	119	DS/DC. Дакриальный указатель	70,6	-
SC. Симметрическая ширина	7,0	10,3	Надпереносье (1-6)	4	-
SS. Симметрическая высота	4,0	5,4	Надбровные дуги (1-3)	2	-
MC. Максиллофронт. ширина	17,0	22,0	Наружный затылочный бугор (0-5)	2	-
MS. Максилло-	9,0	11,4	Сосцевидный	2	-

фронт. высота			отросток (1-3)		
DC. Дакриальная ширина	17,0	-	Нижний край груш. отверстия	Antr.	-
DS. Дакриальная высота	12,0	-	Передненосовая кость (1-5)	3	-

Размеры коронок моляров попадают в категории средних и малых значений⁹. Величина индексов на верхних молярах отражает современные дентальные характеристики с отдельными проявлениями архаики (более 100,0). Величины модулей коронок верхних моляров указывают на микродонтию зубов с тенденцией к гипермикродонтии (менее 10,2) (табл. 2).

Таблица 2

Размеры зубов исследуемого индивидуума

	VL cor				MD cor				
	maxila		mandibula		maxila		mandibula		
	dexter	sinister	dexter	sinister	dexter	sinister	dexter	sinister	
I1	6,9				I1	9	9	5	5,2
I2	6,1	6,2			I2	7,1	7	6,3	6,5
C	8			7,9	C	8	8	7	7,2
P1	10			7,6	P1	7	отсут.	6,7	6,9
P2	10,4	10,1		8,1	P2	6,8	6,5	6,9	6,9
M1	11	11,1	10,1	10,5	M1	11,1	10	11	11
M2	11	10,5	9,6	9,9	M2	9	9,8	10,3	10,1
M3	9			7,1	M3	6,9			8,5

В целом зубы микродонтного типа с проявлением отдельных восточных особенностей свидетельствуют о влиянии южных грацильных одонтологических элементов. Таким образом, краниологические и одонтологические данные выявляют тенденции проявления южно-европеоидных компонентов в антропологическом типе исследуемого индивидуума.

Сохранность костей посткраниального скелета хорошая. Для остеологического исследования были представлены почти все кости по-

скраниального скелета (частично разрушены лопатки и тазовые кости, утрачены некоторые ребра, позвонки, кости кистей и стоп). В связи с тотальным поражением посткраниального скелета патологическим процессом оказалось невозможным получить поперечные размеры костей, а также провести оценку развития мышечного рельефа. Получены только продольные размеры длинных трубчатых костей (табл. 3). Абсолютные значения продольных размеров длинных костей попадают в категорию больших величин. Рост рассчитывался по продольным размерам костей с помощью формул В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца, Пирсон Ли, Троттера и Глезера. Окончательное значение длины тела представлено как средняя арифметическая всех полученных результатов и составляет 177,6 см.

Таблица 3

Остеометрическая характеристика индивидуума

Признак по Мартину	Значение	
	правая	левая
Плечевые (мм)		
1. Наибольшая длина	356,0	–
2. Общая длина	349,0	353,0
Локтевые (мм)		
1. Наибольшая длина	272,0	–
2. Физиологическая длина	236,0	240,0
Лучевые (мм)		
1. Наибольшая длина	246,0	256,0
2. Физиологическая длина	231,0	237,0
Бедренные (мм)		
1. Наибольшая длина	493,0	–
2. Длина в ест. положении	487,0	–
18. Высота головки	48,0	–
19. Ширина головки	47,0	–
20. Окружность головки	153,0	–

Большеберцовые (мм)		
1а. Наибольшая длина	405,0	406,0
1. Общая длина	412,0	413,0
Указатели скелета (мм)		
Луче-плечевой	69,1	–
Берцово-бедренный	84,6	–
Интермембральный	66,9	–
Плече-бедренный	73,1	–
Луче-берцовый	59,7	61,9
Прижизненная длина тела (см)		
По формуле В.В. Бунака	176,6	
По формуле Г.Ф. Дебеца	180,3	
По формуле Пирсон Ли	173,4	
По формуле Троттер-Глезер	180,0	
Средняя по формулам	177,6	

Из маркеров физиологического стресса нами зафиксирована только гипоплазия эмали зубов. На верхних резцах, клыках и премолярах наблюдается линейная горизонтальная гипоплазия, распространяющаяся на всю площадь эмали и по всей высоте коронки с вестибулярной и лингвальной сторон. На нижних клыках с вестибулярной стороны гипоплазия эмали затронула 1/3 зуба рядом с эмалево-цементной границей, что свидетельствует о стрессовых влияниях, получаемых человеком на протяжении всего времени формирования зуба.

Практически все кости скелета (исключением являются только позвонки) вовлечены в патологический процесс, проявляющийся одновременно продуктивно-гиперпластическими и гуммозно-деструктивными явлениями (рис. 1, 2). Продуктивно-гиперпластические явления представлены периостальными наслоениями на диафизах всех длинных трубчатых костей, гуммозно-деструктивные – множественными гуммами в толще этих наслоений, а также на костях свода черепа. На наружной поверхности костей свода черепа, в особенности в лобной и

височной областях, отдельные крупные гуммы располагаются очень густо, частично сливаясь друг с другом. На скуловых и носовых костях гуммы образовали сквозные отверстия. Диафизы всех длинных трубчатых костей веретенообразно утолщены, имеют неровную «кружевную» поверхность с множеством секвестров. На плечевых и лучевых костях патологические изменения локализуются в дистальной части диафиза. Диафизы локтевых, бедренных, большеберцовых и малоберцовых костей вовлечены в патологический процесс полностью. Подобные изменения могут возникать при таких заболеваниях, как третичный сифилис, туберкулез костей, саркома и гнойный остеомиелит. Дифференциальная диагностика между несколькими схожими по своим проявлениям заболеваниями позволила сделать вывод о наличии у данного индивидуума именно третичного сифилиса. Отсутствие деформаций костей посткраниального скелета, характерных для врожденного сифилиса, позволяет говорить о том, что заболевание было приобретено в зрелом возрасте.

Рис. 1. Череп исследуемого мужчины со множеством гумм и секвестров на лобной кости и костях носа.

Рис. 2. Гуммы и секвестры на бедренной кости мужчины.

Итак, в ходе исследования установлено, что останки принадлежат мужчине 35–45 лет.

Краниологический одонтологический анализ выявил наличие южно-европеоидных компонентов в антропологическом типе исследуемого индивидуума.

Изучение характера повреждений на костях скелета позволило диагностировать у исследуемого индивидуума наличие третичного сифилиса, приобретенного в зрелом возрасте.

¹ Макарова Е.М. Первые поселенцы острова-города Свяжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология: Материалы конференции молодых ученых. М., 2011.

² Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966; Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1965.

³ Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу остеологических материалов (Библиотека «Вестника антропологии»). М., 2006; Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М., 1968.

⁴ Lovejoy С.О. Dental Wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. Jour. Phys. Anthropol. 1985. 68(10).

⁵ Бунак В.В. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах // Вопросы антропологии. Вып. 7. М., 1961. С. 41–65; Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В.Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.

⁶ Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

⁷ Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.; Л., 1964. Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Amsterdam: Academic press, 2003.

⁸ Пежемский Д.В. Комплексное антропологическое исследование мощей Святителя Арсения Елассонского // Арсений Елассонский – Архиепископ Суздальский. Владимир, 2008. С. 108–121.

⁹ Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас.

Северные колонии немцев Поволжья

Основой для написания статьи послужила экспедиция в бывшие Северные колонии Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья в июле–августе 2011 г., организованная Международным союзом немецкой культуры (МСНК).

Немцы жили в Поволжье с конца XVIII в. После того, как в 1762 г. императрица Екатерина II издала Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу»¹, тысячи иностранцев откликнулись на ее призыв. Решение императрицы было обусловлено необходимостью заселения и освоения обширных территорий. Манифест подкреплялся описанием авантажей и привилегий, даруемых императрицей эмигрантам: освобождение от налогов на разные периоды времени, предоставление земельных наделов и самое главное условие – свобода вероисповедания.

В 1763–1766 гг. в Россию хлынула волна переселенцев, большинство из которых были выходцами из раздробленной Германии, а также скандинавы, датчане, бельгийцы, итальянцы, англичане, французы (всего свыше 22 тыс.).

Так как подавляющее большинство эмигрантов были немцами, то немногочисленная группа переселенцев из других европейских государств быстро ассимилировалась с выходцами из Германии, переняла их язык, культуру, традиции.

Переселение иностранцев продолжалось с перерывами почти столетие. На протяжении почти 200 лет европейские крестьяне, переехавшие в Россию, играли важную роль в экономическом развитии страны.

Почти все переселенцы второй половины XVIII в. отправились в Саратовское Поволжье (56%)². Их расселяли по течению Волги к северу и югу от Саратова.

Северные колонии – это группа левобережных колоний, располагающихся к северу от города Энгельс (Покровская Слобода). «Швейцарские колонии» – это более узкая группа к северу от города Маркс (Екатериненштадт). Образование первых северных колоний вдоль Волги шло под руководством «вызывателя» барона Кано де Борегар-

да. Его идея заключалась в том, чтобы создать подобие швейцарских кантонов. Отсюда и соответствующие названия колоний – Базель (Basel), Гларус (Glarus), Золотурн (Solothurn), Луцерн (Lüzern), Цуг (Zug), Цюрих (Zürich), Шаффгаузен (Schaffhausen). Борегард использовал в названиях своих колоний имена близких ему людей, высокопоставленных особ и государственных деятелей. Первую и главную колонию барон назвал в честь императрицы – Екатериненштадт. Несколько северных колоний были названы именами государственных чиновников: Орловское и Баскатовка – в честь президента и вице-президента Канцелярии опекунства иностранных, Рязановка и Баратаевка – в честь главного судьи саратовской Конторы опекунства иностранных и окружного комиссара. Колония Обермонжу (Obermonjou) получила свое название благодаря имени поверенного барона Кано де Борегарда полковника Монжу. Колония Сузанненталь (Sussanental) названа по имени жены вызывателя. Одна из колоний получила название замка Борегарда в Голландии – Брокгаузен (Brockhausen)³.

Ни одной из задумок Борегарда не суждено было исполниться. В 1769 г. его отстранили от управления колониями. Главной причиной подобного решения принято считать присваивание вызывателем Борегардом денежных средств, направленных государством на создание благоприятных условий жизни в немецких колониях.

Немецкие колонии образовывались постепенно с прибытием переселенцев. Прибывающими переселенцами занималась Канцелярия опекунства иностранных, созданная в 1763 г. в Петербурге. Заселение колонистами отведенных им земель побудило Канцелярию создать исполнительный орган в Поволжье. И в 1766 г. в Саратове была создана Контора опекунства иностранных.

На первых порах жизнь колонистов складывалась не лучшим образом. Хозяйственная деятельность не приносила желаемых результатов. Здесь можно говорить о нескольких причинах подобного состояния дел. Во-первых, этнические группы колонистов были разобщены, происходили из разных государств, не имели той сплоченности, которая необходима для плодотворного и успешного сосуществования. Во-вторых, многие из переселенцев не являлись крестьянами, а были европейскими ремесленниками, не знакомыми с особенностями крестьянского труда. Приобретение же ими необходимых знаний, умений и навыков требовало немало времени, что не могло не сказываться на производительности труда. В-третьих, невозможно не учитывать тот

факт, что природные и климатические условия Поволжья значительно отличаются от условий, в которых крестьяне Центральной Европы проживали до миграции. Необходима была выработка специальных приемов и методов ведения сельскохозяйственных работ, что также не способствовало быстрому получению прибыли.

Неотъемлемой частью немецких колоний становилась церковь. При вербовке колонистов в Европе одним из определяющих факторов являлась свобода вероисповедания. На деле же все оказалось значительно сложнее. Колонистам разрешалось иметь церковь только в местах их компактного поселения. Вся религиозная жизнь находилась под абсолютным контролем Канцелярии опекунства иностранных и ее Конторы в Саратове. Конфессиональный состав населения в Поволжье был следующим: на первом месте по численности – лютеране, на втором – католики, на третьем – реформаторы. Отличительной особенностью Поволжского региона можно считать конфессиональную толерантность жителей. Например, в центре Саратова в конце XIX – начале XX в. по соседству располагались православная церковь Александра Невского, католический кафедральный собор Св. Клеменса, евангелическая лютеранская церковь Св. Марии, а также мечеть и синагога.

Постепенно колонисты налаживали свою хозяйственную жизнь на новом месте, привыкали к особенностям Поволжского региона, адаптировались к местным климатическим условиям. Спустя несколько десятилетий немцы показывали более высокие сельскохозяйственные результаты, чем автохтонное население.

Изначально в группе северных колоний выделялась колония Екатеринбург, которая была не аграрной, а ремесленной. Именно сюда поселялись эмигранты-ремесленники. Это привело к тому, что данная колония выделилась из ряда других и в начале XX в. стала городом.

XX в. вносит радикальные изменения в жизнь многонационального Поволжья. Начало в 1914 г. Первой мировой войны способствовало бурному развитию антинемецких настроений в российском обществе. И хотя немцы активно пытались доказать свою преданность России не только публичными заявлениями, но и материальной поддержкой, они ощущали на себе гонения со стороны государства, которое активно предпринимало меры против «немецкого засилья»⁴ – запрещалось пользоваться немецким языком в любой из сфер общественной дея-

тельности, немцы лишались большей части своих земельных наделов, немецкие названия населенных пунктов заменялись русскими.

После февральской революции 1917 г. появилось и стало активно развиваться немецкое автономистическое движение за политическое и национальное самоопределение⁵. Первоначально целью этого движения была ликвидация последствий антинемецких действий, имевших место в годы Первой мировой войны, восстановление местного самоуправления колониями, возрождение языка, культуры, образования.

На жизнь немецких колоний в Поволжье существенное влияние оказал тот факт, что 3 марта 1918 г. между Россией и Германией был подписан мирный договор. Германская сторона требовала признания немецких колонистов германскими эмигрантами и установления над ними своего покровительства⁶. Советское правительство отказалось от подобного решения данного вопроса. Германия в ответ на это сформировала комиссию, которая должна была контролировать соблюдение прав немецких колонистов. При работе в Поволжье комиссия выявила большое число нарушений прав российских граждан немецкой национальности (экспроприации, конфискации, контрибуции и др.), что грозило перерасти в новую конфликтную ситуацию между двумя странами.

Единственным выходом из назревающей конфликтной ситуации большевистское правительство видело в создании Поволжского единого немецкого автономного образования. В результате 19 октября 1918 г. В.И. Лениным был подписан Декрет о создании Области немцев Поволжья. Подразумевалось, что вся власть в немецкой автономии будет находиться в руках трудящихся колонистов, на деле же была установлена большевистская диктатура.

Начало Второй мировой войны – поворотный этап в жизни этнических немцев Советского Союза. Первые месяцы войны они демонстрировали свой патриотизм – сбор материальных средств на нужды армии, трудовая помощь фронту, мужчины-немцы пытались попасть добровольцами в ряды Красной армии, но получали отказ на призывных пунктах. Несмотря на это, принадлежность к немецкому народу становится роком для всех российских немцев. Сталин заявлял, что они составляют угрозу для безопасности страны. Волна антинемецких настроений поднималась среди граждан Советского Союза.

Роковым днем для немцев Поволжья стало 26 августа 1941 г. – было принято постановление «О переселении всех немцев из Республики

немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»⁷. С этого времени Волжская немецкая Республика прекращает свое существование. Все люди немецкой национальности в одночасье стали врагами народа. Около полумиллиона поволжских немцев были отправлены в ссылку сталинским указом.

Депортация началась сразу после издания Указа. Всего в сентябре 1941 г. из Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья было вывезено 365,7 тыс. человек.

На прежних местах жительства остались жить немцы, принадлежащие к следующим группам:

- женщины-немки, вышедшие замуж за представителей других национальностей (преимущественно русских);
- дети, рожденные в смешанных браках;
- немцы, которых оставляли по своему усмотрению работники НКВД.

Так прекратила свое существование Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья. Бывшие немецкие города и села получали русские названия. Северные колонии, как и другие колонии этого региона, заселялись русскими – часть привозили на Волгу против воли, часть приезжала добровольно.

«Мы приехали сюда сами, добровольно. Все дома уже были заняты русскими. В селе были несколько женщин-немок. Это были очень хорошие женщины. Между собой они говорили по-немецки» (Мужчина, 82 года, в 14 лет переехал жить в село Воротаевка–Bettinger).

Большая часть колонистов Поволжья уже не вернулась на прежние места жительства. До 1955 г. немцам было запрещено покидать места спецпоселений. В подобных условиях не могло быть и речи о сохранении национальной идентичности. Было запрещено говорить на немецком языке, многие традиции и обычаи были утрачены, религиозная жизнь находилась под строжайшем запретом. Однако в Указе оговаривалось, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены»⁸. С этого времени постепенно начинается восстановление прав немцев как национального меньшинства. Это длительный и крайне трудный процесс, продолжающийся и до сегодняшнего времени.

В 1965 г. правительство страны укрепило в своем решении об отмене в восстановлении немецкой автономии. Издание немецкоязычных

газет, преподавание немецкого как родного языка, создание кружков немецкой самодеятельности – вот единственное, на что были способным власти по отношению к немецкому меньшинству. Несмотря на это в среде советских немцев назревают эмиграционные настроения. Когда в 1972 г. издается Указ о снятии ограничений в выборе места жительства, немцам в индивидуальном порядке разрешили возвращаться в Поволжье. Но большая часть российских немцев была настроена на эмиграцию в Федеративную Республику Германия. Лишь единицы смогли приехать на Волгу и приобрести себе жилье.

«Мы приехали назад в свое село в 70-х годах. Купили дом. Моя мама была депортирована в 9 лет. Она помнила дом, в котором они жили до войны. Там жили русские. Поначалу было тяжело, нас не принимали. Русские боялись, что немцы выгонят их из своих домов. Но потом все успокоились» (Женщина 54 года, с. Сосновка – Susannental).

Многие немцы после возвращения в поволжские села эмигрировали в Германию. В настоящее время небольшое количество этнических немцев проживает в Северных колониях. По данным 1998 г. в Марксовском районе Саратовской области (включая город Маркс) проживало приблизительно 4,3 тыс. немцев.

В 1998 г. в городе Маркс был открыт Российско-Немецкий дом, который проводит работу по сохранению немецкой культуры и традиций, воссозданию интеллигенции российских немцев, поддержке молодежных организаций, социальной работе по оказанию помощи беженцам и переселенцам, медицинской помощи населению, а также укреплению и развитию партнерских отношений с официальными представителями и учреждениями Германии, налаживанию культурного и делового обмена. Благодаря работе этого дома восстанавливаются утраченные и забытые традиции российских немцев – отмечаются праздники детьми и взрослыми, проводятся занятия по изучению немецкого языка.

В Марксе, как и в некоторых других населенных пунктах, где проживает достаточное количество немцев, существуют лютеранский и католический приходы. Во время советского режима марксовская католическая церковь была уничтожена полностью, лютеранская была переоборудована (как и многие православные храмы по всей стране) в клуб.

В 2000-х годах католический приход Маркса был построен заново и имеет достаточное количество прихожан. Лютеранская церковь до сих

пор находится не в лучшем состоянии из-за периодических актов вандализма, однако это не мешает прихожанам собираться на службы, которые проводит местный пастор. Деревни и села севернее Маркса не имеют своих приходоов.

Немцы, проживающие в Северных колониях, в большинстве своем потеряли родной язык, практически полностью ассимилировались с русским населением. Сейчас проводится работа по возрождению традиций, обычаев, культуры российских немцев. Однако не всегда подобная деятельность встречает доброжелательные отзывы. Нередко в Поволжье вспыхивает недовольство русского населения по отношению к немцам. Нельзя не отметить положительную работу Российско-Немецкого дома по восстановлению прав немецкого национального меньшинства.

¹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 2005. С. 30.

² Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов, 2002. С. 8–10.

³ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 54–55.

⁴ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 35.

⁵ Герман А.А., Плева И.Р. Указ. соч. С. 51–53.

⁶ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 246–249.

⁷ Герман А.А., Плева И.Р. Указ. соч. С. 97.

⁸ Там же. С. 111.

Начало этнокино: А. Литвинов и В. Арсеньев

На режиссерский подвиг, вписавший его имя в историю кино, А. Литвинова спровоцировала случайность – небольшая газетная статья на последней странице «Вечерней Москвы» с экзотическим названием «Племя, заблудившееся в веках» о «первобытных» удэгейцах в Уссурийской тайге. Прежде всего А. Литвинов прозорливо оценил потенциал материала. Помимо эмоционального стремления к открытиям неизведанных земель и культур молодого автора захватила идея показа обновления жизни «вымиравшего» народа, культурного прогресса при социализме.

Научные работники Академии наук, к которым А. Литвинов обратился за советом, поддержали режиссера, ответив, что такой фильм будет представлять для науки огромный интерес. «Он даст возможность, вместо отвлеченных литературных описаний, отрывочных зарисовок и случайных экспонатов, иметь дело с непрерывным полнокровным процессом, в котором все до сих пор известные разрозненные вещи вдруг оживут и из вещей, материалов, экспонатов и предметов превратятся в поток по собственным законам развивающейся жизни. Впервые мы сможем наблюдать за действием этих законов»¹. Так будущий классический фильм «Лесные люди», как и все первые этнографические фильмы, родился в обоюдозаинтересованном взаимодействии кинематографистов и ученых. В создании этнофильмов А. Литвинова большую роль сыграл В.К. Арсеньев – автор советского бестселлера «Дерсу Узала» и многих других книг, путешественник и исследователь Дальнего Востока.

В феврале 1928 г. киногруппа А. Литвинова прибыла во Владивосток для совместной работы с В.К. Арсеньевым над сценарием фильма. По инициативе В.К. Арсеньева было решено снимать фильм об удэгейцах, в его основной части отразить тайгу во всем многообразии ее растительного и животного миров, а также быт и нравы таежных людей – удэгейцев. В заключение фильма планировалось круто развернуть киноисторию и показать, как проникают в тайгу первые ростки советской культуры и какое оздоравливающее влияние эти процессы оказывают на жизнь народа Удэ. К началу марта 1928 г. сценарий

«Лесных людей» был написан, организация похода приближалась к концу.

В.К. Арсеньев провожал группу А. Литвинова во Владивостоке, далее, проездом через г. Хабаровск, началось самостоятельное погружение киноэкспедиции в уссурийские дебри.

«Удэгейцы работали шестами уверенно и сильно. Баты скользили довольно быстро, подминая под себя воду. Мы входили в Уссурийские дебри. Я сидел на берестяной подстилке на дне бата, достав из походной сумки ценный подарок Арсеньева – карту-двухверстку долины Анюя... По ней я и проследил весь путь от Найхина до стойбища Сира»², – сообщает выдержка из дневника А. Литвинова. Эта прозванная так в народе «карта Арсеньева» была первым и единственным образцом в своем роде, которую В.К. Арсеньев, являясь профессиональным военным картографом, составил при помощи местных жителей во время своих путешествий по тайге.

Экспедиция А. Литвинова, ведомая удэгейцем Сунцаем Геонка – персональным проводником В.К. Арсеньева после ухода из жизни Дерсу Узала, продвигалась след-в-след по арсеньевскому маршруту. Палатки, легкие и удобные, на каждом привале быстро растягиваемые между деревьями, были также изобретением В.К. Арсеньева.

На пути киноэкспедиции, кроме того, встретились «дерево Арсеньева» – астрономический пункт, основанный В.К. Арсеньевым в 1908 г., «сопка Арсеньева» – высокая наблюдательная точка, с которой открывалась панорама долины р. Анюй, и т.д. Сам В.К. Арсеньев уважительно величался удэгейцами не иначе как «Чжанге» – что условно переводится как «начальник», и с этим непререкаемым авторитетом не раз пришлось иметь дело А. Литвинову и его группе.

Приезжие кинематографисты, экипированные диковинной аппаратурой, и сама цель их появления в уссурийских дебрях вызывали интерес у сопровождавших их лесных людей. Оператор П. Мершин еще в начале похода обратил внимание на удэгейца, который всегда с большим вниманием следил за его работой. Само собой получилось так, что он предложил Аккела быть его помощником, на что удэгеец с радостью согласился. Ученик оказался способным и быстро осваивал обязанности ассистента оператора. А режиссер А. Литвинов стал намного ближе спутникам-удэгейцам после совместного поедания свежей сырой рыбы на одном из привалов кинопохода.

Лесные люди, сопровождавшие группу А. Литвинова в походе, из казавшихся «зажатыми» в начале пути, в городе, совершенно по-новому раскрывались в таежных делях. Искусное владение лодками-улимагдами во время передвижения по бурным течениям горных рек, меткая стрельба на охоте, умение насаживать на самодельные гарпуны рыбу прямо по ходу движения лодок, прочая ловкость туземцев в отношении с природой вызвали ответное восхищение кинематографистов.

Восемнадцать дней группа А. Литвинова на удэгейских тупоносых лодках преодолевала сопротивление дикой реки Анюй, приближаясь к местности Кандахэ, где на одной из Анюйских протоков располагалось стойбище Амулинка, на котором В.К. Арсеньев рекомендовал остановиться для съемок основных материалов фильма.

«На фоне заброшенных стойбищ неожиданным контрастом показался хорошо сложенный деревянный дом, принадлежавший зажиточной удэгейской семье, возглавляемой старшиной рода Инси Амулинка. Полтора десятка человек, составлявших почетную фамилию, были немедленно облюбованы режиссером. Он тотчас скомандовал:

– Останавливаемся здесь. Семья Амулинка – благодарный материал для нашего дела. Надо получше познакомиться, сойтись с нею и задобрить всех. Где у нас подарки? Их немедленно надо распаковать»³, – вспоминает современник событий, журналист М. Поляновский.

Мужчинам дарили гармоники, женщинам – зеркала и отрезки ткани, раздавали продукты. Зачем прибыли «гости», удэгейцы не знали, и объяснить им цель прибытия киноэкспедиции было невозможно.

А. Литвинов понимал, что необходимо сразу добиться расположения старшего в роду, что предполагало получение доверия со стороны остальных жителей стойбища. И вновь помогло имя Арсеньева, который проезжал этим же маршрутом год назад и по причине непогоды вынужден был задержаться на стойбище Инси Амулинка несколько недель, сдружившись с местными жителями. Узнав, что приехавшие – друзья В.К. Арсеньева, старик Инси заявил, что для людей его друга Арсеньева он готов сделать все необходимое. И первым делом устроил в честь прибывших шаманскую церемонию.

«Инси вышел облаченный в шаманские одежды, гремя многофунтовой подвеской и огромным бубном. Он тотчас же принялся шаманить, стремясь довести себя до высшего напряжения. Окуриваемый

дымом багульника, шаман прерывал свой пляс, чтобы подкрепиться спиртом. Его не смущал треск киноаппарата... Свыше трех часов длилось шаманство, но усталости не было на лице Инси. Тяжелая одежда, подвеска, бубен как будто не стесняли его движений, в то время как других клонило к трансу от этого зрелища»⁴.

Эта первая встреча с удэгейцами и сама обстановка на стойбище произвели сильное впечатление на киноработников. В своем полевом дневнике А. Литвинов пишет о работе над фильмом так: «Особенно сложной для меня, кинорежиссера, представлялась задача использования лесных людей в качестве действующих лиц фильма. Я должен был развернуть на экране весь образ жизни этого маленького народа и показать первые шаги приобщения его к советской культуре. И в этом случае мне на память пришли советы Арсеньева.

Лесные люди, прежде всего, должны привыкнуть к гостям, увидеть, что киноработники пришли к ним с добрыми намерениями, что их не обидят. Короче говоря, нам надо подружиться с лесными людьми»⁵.

Не просто было заставить таежных охотников и рыболовов, понятия не имевших о кинематографе, не стесняться аппаратов, не обращать на них внимания во время съемок, так как многие из племени удэ вначале попросту боялись оказываться под прицелом черного стрелочущего ящика, производящего впечатление вредоносной машины.

В.К. Арсеньев просил А. Литвинова передать старому Инси фотографии, сделанные в прошлогодней экспедиции, понимая, что это откроет удэгейцам таинство черного фотоящика и облегчит съемки кино. Так и случилось. После заинтересованного просмотра фотографий старейшина Инси Амулинка многозначительно изрек: «Большой он, наверное, мастер, большой русский шаман, если делает из ящика такие бумаги, на которых можно узнать не только себя, но и жену, детей, других людей и даже свой дом»⁶.

Расположение обитателей стойбища достигалось киногруппой деликатно и терпеливо. Режиссер А. Литвинов и оператор П. Мершин подолгу находились рядом с жителями стойбища на улице и в юртах, не включая камеры, присматриваясь и изучая образ жизни удэгейцев. Первое время, стоило кинематографистам приблизиться, местные люди прекращали всякую работу и с любопытством разглядывали гостей. Но постепенно, день за днем, удэгейцы привыкали к их присутствию, и спокойно осуществляли при них свою обычную деятельность. Даже трехлетний Салик, младший в роду Амулинка, вдоволь наиграв-

шись затворами киноаппаратов, стал к ним, как и к членам экспедиции, вполне равнодушен, в их присутствии не стеснялся сосать материнскую грудь, а иногда и отцовскую курительную трубку. Наступило время, когда урчание ручной кинокамеры П. Мершина больше никого не тревожило, оно стало обычным. Только после этого и начались активные съемочные работы, благодаря которым группе А. Литвинова удалось многое перенести из реальности в кино.

Постепенно различные сцены стойбищного быта, таежной охоты и рыбной ловли, обрядов и праздников были запечатлены киноглазом П. Мершина. В частности, в фильме «Лесные люди» присутствует сцена, посвященная теме разделения ролей мужчины и женщины в традиционной культуре удэгейцев: мужчина добывает зверя на охоте и оставляет трофей в тайге, помечая место, а женщина затем находит место и забирает добычу охотника. Особая сцена посвящена ритуалу традиционных родов, для чего будущий отец строит отдельный шалаш, в котором «изолируется» роженица за несколько дней до собственно момента рождения ребенка. «Мы прекрасно понимали, что подобные обычаи не сегодня–завтра исчезнут с лица земли. Сохранятся они только в нашем фильме, как материал, нужный для понимания отдельных сторон первобытной культуры народа»⁷, – писал режиссер А. Литвинов.

Состоялась также съемка собрания социалистической ячейки удэгейцев – туземного совета, посвященного вопросам взаимодействия с советской властью и других нетрадиционных для удэ процессов. «Может быть охотничье ружье Сунця, ставшее предметом всенародного любопытства, толкнуло удэгейцев на мысль о собрании и обращении к Комитету Севера. Люди, живущие на стыке двух миров – первобытного и современного, идущие на охоту с библейским вооружением, поныне ставящие самострелы на звериных, нехоженных тропах, ищут путей приобщения к другой жизни, о которой им известно так немного»⁸. Это имело отношение к теме заключительной части сценария фильма «Лесные люди» – ростки нового в жизни аборигенов уссурийской тайги, показать которые было принципиальным моментом для режиссера А. Литвинова, так как романтизация культурных традиций была ему непонятна на уровне целеполагания. В этом настроении А. Литвинова поддерживал и профессиональный ученый В.К. Арсеньев. Такая исследовательская позиция звучит «смело» даже в наши дни, почти век спустя. В частности, В.А. Тишков пишет: «Действительно, существует

культурная традиция, отражающая преемственность или инерцию определенного образа жизни людей, обусловленная природно-ресурсными, историко-социальными, политическими и ментальными факторами. Но имеет место и не менее значимая сторона человеческой жизни, обозначаемая как инновации и как перемены, стремление к которым, по крайней мере у значительной части людей, может быть не меньшим, чем к привычному образу жизни. Никто не ратует за сохранение специфической культуры бедности ради социального разнообразия. Тогда почему однозначно должна быть неизменной культура кочевников-оленьеводов или охотников за морским зверем? Ясно, что далеко не все носители этой культуры хотят этого»⁹.

Наступил момент, когда оператор уложил последнюю отснятую катушку пленки киноповести о стране удэ в герметичную металлическую коробку. Режиссер, в очередной раз сверившись со сценарием и убедившись, что сняты не только сами лесные люди, но и многообразный животнов-растительный мир Уссурийской тайги, одобрил подготовку к отъезду.

И вновь старик Инси Амулинка устроил в честь отъезжавших многочасовое шаманство, «на хорошую дорогу», а на следующее утро все местные жители от мала до велика вышли на берег реки проводить новых друзей из киногруппы, смысл пребывания которых на стойбище так и остался для удэгейцев непонятным.

Необходимо отметить, что А. Литвинов вел не только письменный дневник путешествия, многие из «закадровых» трудностей и приключений, сопровождавших работы киноэкспедиции А. Литвинова над «Лесными людьми», составили основное содержание фильма «По дебрям Уссурийского края» – фильма о фильме.

Закончив свой шестимесячный кинопоход, дружески простившись со спутниками-удэгейцами, приглашавшими кинематографистов снова приезжать на реку Аной, группа А. Литвинова торопилась во Владивосток. Не терпелось проявить материал, отпечатать, смонтировать и показать Арсеньеву для редактирования.

А. Литвинов в красках вспоминал этот показ-экзамен, на который, по просьбе В.К. Арсеньева был приглашен также их проводник – удэгеец Сунцай Геонка: «Арсеньев внимательно следил за фильмом, реагируя лишь на возгласы Сунцай. В зале вспыхнул свет. Арсеньев встал и, обернувшись к Сунцаю, спросил:

– Ну, как, Сунцай?

Взволнованный Сунцай, вытирая выступивший на лице пот и указывая на меня, ответил:

– Его очень хитрый... все правда снимай...

Арсеньев подошел ко мне и, крепко пожав руку, сказал:

– Честно скажу. Я не ожидал таких результатов. Так правдиво и масштабно показать Уссурийскую тайгу, так естественно, просто, а главное, тепло раскрыть жизнь маленького, но чудесного народа мог только опытный путешественник и зрелый художник.

Арсеньев, обняв меня и Мершина, крепко прижал к себе»¹⁰.

Эти «объятия» ученого и кинематографиста являются уникальным итогом и примером соединения ресурсов науки и искусства при создании этнографического кино.

Выпущенные «Совкино» в 1929 г. культурфильмы «Лесные люди» и «По дебрям Уссурийского края» режиссера А. Литвинова имели большой успех в кинопрокате, на их просмотры выстраивались длинные очереди в кинотеатры, многомиллионная зрительская аудитория в разных странах мира познакомилась с судьбой малочисленной народности Дальнего Востока.

Во время очередного визита в Москву В.К. Арсеньев уговаривал кинематографическое начальство отправить очередную киноэкспедицию А. Литвинова на Дальний Восток, обещая содействовать съемкам фильмов. «Кино займет в краеведении такое же место, как литература. Теперь я уверовал в это», – говорил В.К. Арсеньев, чьи публичные лекции теперь непременно сопровождались показами литвиновских кинофильмов. И в 1929 г. из Москвы была снаряжена новая масштабная киноэкспедиция на Камчатку, во главе которой встал режиссер А. Литвинов.

¹ Литвинов А.А. По следам Арсеньева. Владивосток, 1959. С. 4.

² Там же. С. 63.

³ Поляновский М.Л. На далекой окраине. М., 1930. С. 162.

⁴ Там же. С. 163–164.

⁵ Литвинов А.А. В Уссурийской тайге. Записки кинорежиссера // Уральский современник. 1955. № 1 (29). С. 155.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 158.

⁸ Поляновский М.Л. Указ. соч.С. 173.

⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 256.

¹⁰ Литвинов А.А. В Уссурийской тайге... С. 197–198.

**Коллекция Ю.В. Ивановой в фотоархиве ИЭА РАН
как новый источник по этнографии албанцев Украины**

6 июня 2012 г. исполняется 90 лет со дня рождения Юлии Владимировны Ивановой (1922–2006) – крупнейшего отечественного специалиста по этнографии албанцев и греков. В 1946 г. Юлия Владимировна поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР, и с этого момента ее судьба была неразрывно связана с этим научным учреждением¹. Тогда же сформировался круг ее исследовательских интересов – этнографическое изучение неславянского населения Балкан и балканских этнических групп, проживающих в диаспоре (греки Украины, России, Грузии; албанцы, болгары, гагаузы, проживающие на Украине).

В далеком 1948 г. состоялась первая экспедиционная поездка Ю.В. Ивановой в албанские, болгарские и гагаузские села Запорожской области Украинской ССР². Уже на следующий год экспедиция приобрела статус международной – в полевой работе принял участие видный албанский лингвист-диалектолог Селим Ислями³. Из той же поездки Ю.В. Ивановой была привезена фотоколлекция, которая по сей день хранится в Фотоархиве ИЭА РАН и является к настоящему моменту ценнейшим визуальным источником по этнографии албанцев Украины.

На современном этапе развития этнографической науки изучение имеющихся фотоиллюстративных фондов музейных и научных учреждений является крайне актуальным. Дошедшие до наших дней снимки, рисунки, наброски предшественников представляют собой важный материал, отражающий быт, историю, жизнь этносов и этнических групп различных регионов мира. Фотоснимок представляет собой развернутую картину действий, позволяет исследователю вновь принять участие в рабочей ситуации включенного наблюдения и со скрупулезной точностью описать увиденное «в поле».

Реализация совместного проекта ИЭА РАН и МАЭ РАН по изучению фотоколлекции Ю.В. Ивановой будет способствовать решению стоящих перед современной этнологической наукой задач по исследованию этнической истории албанцев Украины, а именно: вопросов происхождения данной этнической группы, механизмов сохранения,

трансляции и трансформации этнической культуры в условиях иноэтничного окружения.

В настоящее время представляется необходимым провести изучение, научное описание и введение в научный оборот богатейшего фотоиллюстративного фонда Ю.В. Ивановой, собранного за время экспедиционных исследований в албаноязычных селах Приазовья в послевоенный период. Фотографии, сделанные Ю.В. Ивановой в 1949 г., являются собой совершенно уникальный источник информации, способный пролить свет на традиционную культуру албанцев Буджака и Приазовья.

Данная фотоколлекция за прошедшие десятилетия не была должным образом атрибутирована и описана в соответствии с современными правилами визуальной и музейной антропологии, и, как следствие этого, эти материалы до настоящего времени не были введены в научный оборот. Фотоколлекция Ю.В. Ивановой представляет собой уникальный комплекс сведений по культуре быта, традиционному жилищу, костюму, промыслам, праздничной культуре албанцев Украины. Таким образом, многоплановая работа с материалами Ю.В. Ивановой и снабжение их научным комментарием позволит ввести данную фотоколлекцию в качестве нового полевого источника по этнографии и этнической истории албанцев.

Рассматривая коллекцию Ю.В. Ивановой как текст, не стоит забывать о том, что, помимо научной составляющей, данные фотографии одновременно имеют и художественную ценность. Наиболее удачные из них (исходя из различных критериев – качество снимка, композиция, сюжетная наполненность) в сопровождении развернутого комментария могут быть опубликованы в виде фотоальбома, что позволит сделать доступными полевые материалы Ю.В. Ивановой и познакомить с ними широкую, в том числе и международную, общественность.

Использование сравнительно-исторического метода, который заключается в диахроническом сопоставлении и анализе представленного на фотоснимках Ю.В. Ивановой с тем, что удается фиксировать среди данной этнической группы в настоящее время (экспедиции 1998–2011 гг.), будет необходимо при составлении научного комментария. Помимо этого в рамках исследования будут применены базовые методы визуальной антропологии, используемые при анализе ситуаций, связанных с процессами фиксации жизни людей. Согласно

таким подходам, научная фотография – особый жанр визуально-антропологической коммуникации.

В настоящее время именно Санкт-Петербург является крупнейшим отечественным албано-лингвистическим центром. В стенах МАЭ РАН, СПбГУ и ИЛИ РАН проводятся комплексные этнографические и лингвистические исследования албаноязычных ареалов, включая Буджак и Приазовье (территория совр. Украины), где проживает в общей сложности около пяти тысяч албанцев. Сотрудники данных учреждений поддерживают научные контакты с аналогичными центрами по изучению албанского языка и культуры в Германии, Франции, США, Албании, Косово, Италии, Польше и других странах мира. Благодаря этому полученные результаты данного проекта могут быть успешно представлены в мировом албано-лингвистическом и балканистическом научном сообществе.

Начиная с 1998 г., когда были предприняты совместные экспедиции Ю.В. Ивановой и А.А. Новика в албанские поселения Украины (в июле-августе – в Приазовье, в ноябре – в Буджак), начался новый этап в изучении традиционной культуры и этнографии албанцев Украины. После экспедиций 1998 и 2001 гг. сотрудниками МАЭ РАН и СПбГУ было принято решение проводить регулярные полевые выезды в албанские, болгарские и греческие села Приазовья (которые предпринимаются с 2001 г. непрерывно).

Помимо собственно полевых исследований, сотрудники МАЭ ведут активную музейно-архивную деятельность. Во-первых, в фондах Кунсткамеры хранятся предметные коллекции из Приазовья и Буджака (№ 7132, 7133, 7136), значительная часть которых была подарена музею албанкой из с. Георгиевка А.К. Бурлачко в ходе экспедиции 1998 г. (собиратель – А.А. Новик). Во-вторых, полученные в поле материалы передаются на хранение в Научный архив МАЭ, а лучшие фотографии и иллюстрации пополняют основной фонд музея и научно-вспомогательный фонд отдела европейистики. В-третьих, в настоящее время ведется работа по сбору и формированию аудиофонда Приазовского отряда (с 1998 г.), в котором в цифровом виде хранятся сделанные участниками экспедиций аудиозаписи интервью с фиксацией материалов поговору албанцев Украины, а также нарративов по семейной и календарной обрядности, мифологии, одежде и др.

В наши дни в мировой этнологии (этнографии, социальной и культурной антропологии) большое внимание уделяется вопросам хранения, изучения и ввода в научный оборот архивного полевого источни-

ка, причем в контексте постоянного развития медиа технологий особую значимость приобретают именно аудиовизуальные типы материалов (аудио-, фото- и видеоисточки). Данная ситуация во многом обусловлена тем, что только в последнее время, вместе с активным внедрением в научную сферу современных методик и средств работы с аудиовизуальными источниками, появилась возможность сделать доступными для широкой общественности материалы, собранные в поле определенное время назад. Приведем лишь несколько примеров научных и научно-художественных проектов, имеющих отношение к исследованиям в области балканистики.

На протяжении ряда лет в Калифорнийском университете в Беркли (США) функционирует научный проект с рабочим названием «Болгарская диалектология как живая традиция» («Bulgarian Dialectology as living tradition», рук. Роннел Александер), который направлен на архивацию, изучение и ввод в научный оборот аудиозаписей, сделанных лингвистами и антропологами в 35 областях Болгарии. В настоящее время аудиозаписи снабжены транскрипцией, лингвокультурологическими пояснениями и переводом на английский язык. Подобная систематизация полевых материалов полезна для осмысления кросскультурных и языковых явлений на примере балканского языкового союза и может послужить базой для ученых, работающих как в сфере балканской диалектологии, так и занимающихся вопросами социальной и культурной антропологии.

Результатом успешной работы со старыми фотоколлекциями стали альбомы этнографической фотографии, изданные канадским ученым Робертом Элси (R. Elsie). В 2007 г. вышел в свет альбом «Writing in Light»⁴, содержащий ранние фотографии Албании и юго-западных Балкан, которые были сделаны на рубеже XIX–XX вв. известными учеными, дипломатами и путешественниками (Иоганном-Георгом фон Ханом, Йозефом Секели, Францем Нопчей, Максимилианом Ламберцем), а также участниками Голландской военной комиссии, располагавшейся в Албании в 1913–1914 гг. Помимо собственно изображений альбом содержит введение, а также краткую историю авторов фотографий и экспедиций, из которых они были привезены. В 2008 г. Р. Элси выпустил альбом «Albania and Kosova in Color»⁵, состоящий из первых цветных фотоснимков Албании и Косово, сделанных французским путешественником Альбером Каном в 1913 г. Таким образом, эти

бесценные и труднодоступные фотографии, хранящиеся в различных библиотеках и архивах, стали новым этнографическим источником.

Приведенные примеры показывают, что усилия мирового научного сообщества в сфере гуманитарных наук направлены не только на сбор нового, но и на выявление, сохранение, архивацию, научное осмысление и презентацию уже имеющегося полевого материала.

Подводя итог сказанному, еще раз хотелось бы заметить, что архивный фотоснимок как особый вид полевого этнографического источника представляет собой развернутую картину действий, происходивших в прошлом, позволяет современному исследователю принять участие в рабочей ситуации включенного наблюдения и со скрупулезной точностью описать когда-то запечатленное «в поле». Тому же, кто наблюдает фотографии в научных сборниках, монографиях или в рамках докладов, данный вид источника порой может сказать больше, чем самые эксплицитные описания. Именно поэтому работа с фотоколлекцией Ю.В. Ивановой представляет собой актуальную задачу, решение которой позволит ввести в научный оборот обширный пласт этнографического материала, дающего представление о состоянии культуры албанцев Приазовья в послевоенный период.

¹ Новик А.А., Ямсков А.Н. Юлия Владимировна Иванова // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 178.

² Иванова Ю.В. Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 40; Новик А.А. Юлия Владимировна Иванова: жизнь, отданная Балканам (Светлой памяти учителя, коллеги и друга) // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 167.

³ См.: Islami S. Material gjuhësor nga kolonitë shqiptare të Ukrainës // Buletin për Shkencat Shoqerore. 1955. Nr. 2. F. 163–180.

⁴ Elsie R. Writing in Light. Early Photography of Albania and the Southwestern Balkans. Prishtina: ATV Media Company & Arbi Ltd, 2007. 311 p.

⁵ Elsie R. Albania and Kosova in Colour 1913. The Autochromes of the Albert Kahn Collection. Tirana: Skanderbeg Books, 2008. 105 p.

Проблема этнического статуса нагайбаков

Татары – второй по численности этнос в составе Российской Федерации, они компактно проживают на территории Поволжья, Западной Сибири и дисперсно не только во всех областях России, но и странах Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Термин «татары» имеет длительную историю. В дореволюционной историографии сложилась традиция применения последнего по отношению ко многим группам тюркского происхождения¹.

К началу XX в. этноним «татары» окончательно закрепился за тюркоязычным населением Волго-Уральского региона, Крыма, Западной Сибири и Литвы в качестве самоназвания. Однако из-за обширности ареала расселения татар комплексное этнографическое исследование всех этих групп, позволяющее судить об этнокультурной дифференциации данной общности, до сих пор не завершено².

Проблемы этнического статуса и генетического родства волгоуральских, сибирских, астраханских, крымских, литовских татар на сегодняшний день являются дискуссионными. Все указанные группы татар имеют сложную внутреннюю структуру, что создает привлекательную для исследователей проблему.

Одна из периферийных, достаточно крупных групп татар – татары Зауралья. Зауралье – территория, простирающаяся к востоку от Уральской горной системы. В соответствии с современным административным делением, Зауралье включает в себя Курганскую область, большую часть Челябинской, восточные районы Свердловской и Оренбургской областей. До революции Зауралье входило в состав Оренбургской и Пермской губерний.

Слабо освещенными в научной литературе на сегодняшний день остаются вопросы о происхождении татар Зауралья, а также об их этническом статусе в структуре волго-уральских татар. На данный момент публикации, посвященные различным аспектам этнической истории и традиционной культуре зауральских татар, отсутствуют, причем не только на уровне монографий, но и научных статей. Достаточно позднее формирование волго-уральских татар по сравнению с другими группами позволяло отдельным исследователям ставить под сомнение их этнический статус в структуре этноса волго-уральских татар. И,

наконец, еще одной причиной малой изученности групп татар Зауралья является их удаленность от территории Поволжья, и в частности Казани, где находится один из главных научных центров, занимающихся изучением татар.

Одной из подобных групп являются нагайбаки. Нагайбаки – этнословная группа с христианским вероисповеданием, проживающая на территории современной Челябинской области, входившая в состав Оренбургского Казачьего Войска. В настоящий момент они компактно проживают на территории Нагайбакского, Уйского, Чебаркульского районов Челябинской области. Численность нагайбаков, согласно переписи населения 2002 г., составила 9087 человек.

Проблема этнического статуса данной группы по сей день представляется актуальной. Точки зрения относительно этногенеза нагайбаков, высказывавшиеся в различные периоды времени, можно свести к двум основным версиям: согласно первой, происхождение нагайбаков связано с казанскими татарами, по другой версии, определяющую роль в этногенезе нагайбаков сыграл ногайско-кыпчакский компонент. Обе эти версии сформировались уже в XIX в.

Первые сведения о нагайбаках встречаются в работе П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», где он упоминает о «Нагайбакской крепости», которую населяли «новокрещенные», которые «...еще во время царя Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение» и «новопришедшие из числа крещеных “азиатцев”, расселенных между тамошними “новокрещенными”»³.

В 1852 г. П.И. Небольсин впервые приводит термин «ногайбак» в качестве этнонима. Автор высказывает мнение в пользу ногайского происхождения нагайбаков, опираясь на предание, услышанное им от юртовских и кундровских татар, согласно которому: «несколько семей Ногаев белой кости, или беков, поссорившись со своими родичами, откочевали от устьев Волги в Нарын-Пески, оттуда степями левого берега Волги достигли до Кинели и потом перешли на реку Ик, где и поселились. Сельбище их и названо поэтому Ногайбаком»⁴.

В.Н. Витевский в работе «Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии», опубликованной в 1891 г., высказывает версию о казанско-татарском происхождении нагайбаков, ссылаясь на документальное подтверждение, полученное им от нагайбакского урядника поселка Фершампенуаз С.И. Никитина⁵. В

пользу данной версии, по мнению автора, говорит также сходство языка и этнографических особенностей тех и других.

Новым этапом в истории изучения вопроса стало появление в начале XX в. работ о нагайбаках, авторы которых сами являлись нагайбаками. Среди них необходимо упомянуть очерк Е.А. Бектеевой «Нагайбаки (Крещенные татары Оренбургской губернии)», опубликованный в журнале «Живая старина» в 1902 г., где автором высказывается версия о происхождении нагайбаков от «арских» татар, якобы проживавших в городе Арске, расположенном восточнее Казани⁶. Подобного мнения придерживается и нагайбакский священник Ф. Альметев в своей «Этнографической заметке о нагайбаках»⁷.

В советский период отдельных работ, посвященных данной группе, не выходило.

Новый всплеск интереса к проблеме можно отметить в начале 1990-х годов. Благодаря многочисленным обращениям нагайбакской интеллигенции и, в частности директора Нагайбакского историко-краеведческого музея А.М. Маметьева в Верховный Совет Российской Федерации, 18 июня 1993 г. нагайбаки получили статус коренного малочисленного народа.

В этом же году выходит книга М.С. Глухова «Судьба гвардейцев Сеюмбеки»⁸. Автор данной работы придерживается версии о ногайском происхождении нагайбаков, а также излагает популярную среди самих нагайбаков версию⁹, основанную на предании о дочери Ногайского мурзы Юсуфа по имени Сеюмбека, ставшей женой Казанского хана Жангарея. Вместе с ней в качестве личной охраны были отправлены 600 холостых джигитов из состоятельных семей. Они остались в Казани на Арской заставе и были крещены после взятия города Иваном Грозным.

Во второй половине 1990-х годов появляются комплексные исследования, посвященные нагайбакам, в которых особо рассматривается и вопрос об их происхождении. Одно из таких исследований принадлежит Д.М. Исхакову, под редакцией которого в 1995 г. вышел сборник «Нагайбаки», где была опубликована его статья «Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в.». Исследователь отмечает преобладание казанскотатарской составляющей в этногенезе нагайбаков, однако не исключает также влияние «арских» (проживавших на Арской заставе) татар, в числе которых было немало ногайцев¹⁰. Автор делает вывод о нагайбаках как «наиболее изолированной

группе в составе крещеных татар», которые, в свою очередь занимают «обособленное положение в структуре волго-уральских татар».

Схожей точки зрения на этногенез нагайбаков придерживается и И.Р. Атнагулов, автор монографии «Нагайбаки», вышедшей в 2007 г. Исследователь говорит о «значительном преобладании в культуре нагайбаков приволжско-татарского компонента», при этом не отрицает также влияния «ногайско-кыпчакских» и «восточнофинских элементов» на этногенез нагайбаков. Однако в отличие от Д.М. Исхакова И.Р. Атнагулов говорит о нагайбаках как о «самостоятельной этнолокальной единице», черты которой они обрели уже к началу XX в.¹¹

Данные публикации завершили формирование двух основных точек зрения на этногенез нагайбаков.

На начало XX в. И.Р. Атнагулов определяет три этнодифференцирующих признака, выделивших нагайбаков из массива волго-уральских татар: 1) религиозный (христианизация – крещение после взятия Казани Иваном Грозным) 2) сословный (были зачислены в казачье войско в 1934 г. указом Анны Иоанновны) 3) территориальный (этническая сепарация из поволжско-татарского этноса)¹².

Согласно мнению исследователя, «...по состоянию на первые два десятилетия XX столетия нагайбаки Верхнеуральского уезда имели черты складывающейся самостоятельной этнической общности»¹³.

Материальная и духовная культура нагайбаков претерпела ряд изменений в связи с длительной изоляцией от волго-уральских татар.

Хозяйственная деятельность нагайбаков в целом представляла собой вид пашенного земледелия. Переселение в степную зону обусловило наличие больших площадей под посевами. Изменился способ посева (сеяли по прошлогодней стерне для лучшего сохранения зимней влаги в почве). Пахотные орудия по большей части соответствовали казанско-татарским, отмечалось отсутствие сохи. Нагайбаки почти не сеяли рожь, в основном выращивалась яровая пшеница¹⁴.

С переселением в степную зону исследователи связывают увеличение удельного веса животноводства в хозяйстве нагайбаков, появление элементов полукошечного скотоводства, занятие бортничеством (последнее не было характерно ни для одной группы татар Урала). Отходнические и кустарные промыслы у нагайбаков почти не развивались, в отличие от кряшен и татар Среднего Поволжья¹⁵.

Традиционный костюм нагайбаков соответствует общей структуре костюма кряшен центрального ареала. Однако в женском нагайбакском костюме отсутствовали перевязь и головное покрывало.

Для анализа этнодемографической структуры нагайбаков в XX в. нами были использованы материалы переписей населения 1926, 1989, 2002 гг., а также материалы этнографических экспедиций Челябинского государственного университета 2008–2011 гг.

По результатам переписи 2002 г. на территории Челябинской области проживает 9087 нагайбаков (по переписи 1989 г. – 8191)¹⁶.

Преобладающая часть нагайбаков (82%) является сельским населением, компактно проживающим на территории Нагайбакского района.

Более половины опрошенных (5728 чел.) указали, что владеют родным языком, причем среди сельского населения процент владения родным (нагайбакским) языком составляет 84%, в то время как среди городского – 16%.

Стоит отметить одну важную особенность, связанную с двумя различными подгруппами нагайбаков – северной (троицко-бакалинской) и южной (верхнеуральской). По результатам переписи 1926 г. преобладающий либо значительный процент (более 30%) нагайбакского населения был зафиксирован в поселках как троицко-бакалинской подгруппы нагайбаков (поселки Болотово, Варламово, Ключевка-2, Попово, Краснокаменка), так и верхнеуральской (поселки Остроленский, Касельский, Фершампенуаз, Требия, Париж).

Однако по данным переписи 2002 г. северная (троицко-бакалинская) подгруппа не фиксируется. Преобладающий процент населения поселков, относящихся к данной подгруппе, составляют русские, что противоречит полевым материалам, собранным в ходе этнографических экспедиций Челябинского государственного университета. Согласно последним, подавляющее большинство населения данных поселков называет себя нагайбаками (бакалами) и продолжает активно использовать родной язык. Южная (верхнеуральская) подгруппа, проживающая в Нагайбакском районе современной Челябинской области, продолжает фиксироваться по данным переписей (1989, 2002 гг.).

На сегодняшний день И.Р. Атнагулов говорит о росте уровня этнического самосознания у нагайбаков, проживающих в Нагайбакском районе, с одной стороны, и о его «двуполюсном» характере, с другой

стороны, когда «... в одном случае прослеживается стремление к этнической обособленности, в другом – сближение с русскими»¹⁷. Наши полевые материалы во многом подтверждают данный вывод.

В ходе исследования нами были проанализированы результаты анкетирования в вузах города Челябинска и Челябинской области (в период с 2001 по 2011 г.), результаты Интернет-анкетирования, а также результаты анкетирования и интервьюирования, полученные в ходе этнографической экспедиции в п. Остроленский Нагайбакского района Челябинской области в феврале 2011 г. Одной из целей нашего анализа была попытка выявить этнические маркеры у нагайбаков.

Нами опрашивались респонденты в возрасте до 30 лет, поскольку данная возрастная группа позволяет делать прогнозы относительно состояния этнической идентичности на ближайшие десятилетия. Всего было опрошено 98 человек.

В качестве основного мотива выбора этнической идентичности у нагайбаков с моноэтническим происхождением можно считать «национальность родителей» (100%), либо национальность отца в случае полиэтнического происхождения (23%). В качестве дополнительного мотива выбора этнической идентичности можно назвать знание родного (нагайбакского) языка, о котором говорит часть опрошенных (25%), считая это важным¹⁸. Кроме того, степень владения родным языком в исследованной нами возрастной группе также невысока.

Помимо владения родным языком, нами выдвигалась гипотеза о наличии у нагайбаков представлений об общем историческом прошлом в качестве этнического маркера. Однако данный фактор, актуальный для представителей старшего поколения, для молодежи не играет большой роли.

Таким образом, выделение определенного этнодифференцирующего признака у нагайбаков на сегодняшний день представляется затруднительным. Возможно, в сознании самих нагайбаков функции такого признака отчасти выполняет владение родным языком и осознание себя частью определенной этнической общности¹⁹.

¹ Исхаков Д.М. Общая характеристика татар // Татары. М., 2001. С. 16.

² Там же. С. 11.

-
- ³ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / Комментар. И.В. Кучумов, Ф.А. Шакурова. Уфа, 1999. С. 268.
- ⁴ Небольсин П.И. Путешествие в Оренбургский край // Вестник РГО. 1852. Ч. IV. Кн. I. С. 21–22.
- ⁵ Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды VI Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. II. С. 23–24.
- ⁶ Бектеева Е.А. Нагайбаки (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902. С. 158.
- ⁷ Альметев Ф. Нагайбак (этнографическая заметка) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1911. № 49. С. 28.
- ⁸ Глухов-Ногайбек М.С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Неформальный подход к еще ненаписанным страницам истории. Казань, 1993.
- ⁹ Атнагулов И.Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 48.
- ¹⁰ Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков. Казань, 1995.
- ¹¹ Атнагулов И.Р. Указ. соч. С. 170.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 170.
- ¹⁴ Там же. С. 164.
- ¹⁵ Атнагулов И.Р. К вопросу об этнической специфике нагайбаков. http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/3_98/16_ATNA.HTM
- ¹⁶ По данным переписи 1989 г. нагайбаки официально учитывались в составе татар, однако были посчитаны отдельно. Эти данные были опубликованы впоследствии уже в 2002 г. См.: Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник. <http://chelstat.gks.ru/public/2010/Forms/AllItems.aspx>
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ С лингвистической точки зрения нагайбакского языка не существует.
- ¹⁹ Атнагулов И.Р. Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/2. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2006. С. 390–397.

«Стоит изба из кирпича, то холодна, то горяча» (к проблеме реконструкции изразцовых печей острова-града Свяжск)

Впервые к реставрации изразцовых печей в интерьерах XVII в. архитекторы обратились еще в середине XIX в. в связи с реставрацией памятников царствующей династии: Теремного дворца Московского Кремля, палат бояр Романовых, покоев Михаила Федоровича в Ипатьевском монастыре в Костроме и гробниц царских предков в Новоспаском монастыре в Москве¹.

Практика использования образа изразцовой печи и самой изразцовой печи в экспозиционных решениях музеев в нашей стране повсеместна. Изразцовая печь в воплощенных интерьерах XVII–XIX вв. имеет самобытный характер и привлекает глаз посетителя музея (Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник (Коломенское-Измайлово-Лефортово-Люблино), Суздальский историко-художественный музей, Государственный Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник и т.д.). Часто изразцовая печь, являясь бытовым атрибутом культовых и светских сооружений, органично вписывается в экспозиционную концепцию музея или музейного комплекса (Государственный музей изобразительных искусств РТ, г. Казань, Музей истории градостроительства, г. Таганрог и др.). В таком случае она нуждается в минимальных реставрационных работах или не нуждается в них вовсе.

Довольно широкое распространение получила реставрация руинированных печей и их реконструкция по фото, рисункам и чертежам, а также воссоздание изразцовых печей по косвенным источникам методом аналогий (изразцы из разрозненных печных наборов, обнаруженных во время этнографических и археологических исследований). Именно такой вариант реконструкции двух изразцовых печей был выбран для подготовки данных объектов для постоянной экспозиции Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск». В данной экспозиции изразцовые печи будут сопутствующими объектами музейного показа, вписанными в интерьер эпохи. Исходя из целей экспозиционной концепции и источниковой базы, было решено воссоздать изразцовые печи в интерьерах XVII и

XVIII–XIX вв.: печь в интерьере Стрелецкой избы и печь в купеческом интерьере XVIII–XIX вв.

Основной целью проекта реконструкции является научная, методическая, графическая и практическая реконструкция изразцовых печей в рамках экспозиции музея в соответствии с принципами и базовыми методологическими подходами, определенными общей концепцией: принцип историзма, использование новейших достижений музееведения и музейного дела, прикладная направленность (разработка основ социокультурного функционирования экспозиции и музея в целом)².

В основу разработки проекта положена методика архитектора-реставратора Н.И. Немцовой с учетом специфики размещения объектов и источниковой базы.

Следуя методике, был начат анализ источников для осуществления данного вида реконструкций. Весь объем источников можно разделить на следующие виды:

– письменные, графические, фото (плоскостные источники): такими источниками могут служить описи имуществ монастырей и казенных зданий Свяжска XVII–XIX вв., материалы, связанные с архитектурой и градостроительством Свяжска (Национальный архив РТ), фотодокументы XIX–XX вв., связанные с историей Свяжска (Национальный музей РТ);

– археологические источники (коллекции и материалы отчетов археологических исследований в Свяжске в период 2006–2011 гг.). В данный комплекс источников входят изразцы и их фрагменты XVII–XIX вв., полученные в результате археологических исследований. Данные материалы зачастую фрагментированы, имеют механические повреждения лицевой поверхности (скалывание рельефов рисунка и поливного слоя) и требуют предварительной реставрации и графической реконструкции.

– данные этнографии – материалы разрушенных и руинированных печей из соседних регионов и устные описания местных жителей Свяжска интерьеров Архимандричьего корпуса Успенского Богородицкого мужского монастыря.

Научную базу проектного исследования составили работы исторического, историко-архитектурного, этнографического, искусствоведческого, археологического характера, посвященные истории изразцового производства в Центральной России и её отдельных регионах.

Хронологические рамки определены задачами проекта и обусловлены составом источниковой базы XVII–XIX вв.

Местом размещения музейной экспозиции был выбран комплекс казенных строений и сооружений, состоящий из четырех отдельно стоящих двухэтажных зданий и более поздних хозяйственных построек (1838–1840 гг., архитектор Ф.И. Петонди; перестраивались в 1883 г., 1903 г.).

Экспозиционное решение печей будет базироваться на принципах научной реконструкции (с опорой на специальные исследования, документальные и иллюстративные источники), с определенной долей условности, образности и элементами художественно-декорационной сценографии. Такой подход был выбран исходя из сложностей практического возведения печей. Во-первых, это связано с размещением этих объектов музейного показа – проект реставрации данных зданий не предусматривает монтировку в них изразцовых печей и любых тяжелых конструкций. Во-вторых, для натурального изготовления изразцового печного набора необходимо воссоздание технологии производства отдельных видов изразцов. В-третьих, так как печи не будут нести непосредственную функциональную нагрузку, то нет смысла изготавливать дорогостоящие печные наборы.

Наиболее целесообразно в данной ситуации возведение облегченной каркасной конструкции в соответствии с графической реконструкцией проекта при использовании подлинных артефактов (прошедших реставрацию) или их реплик.

Рассмотрим подробнее образы планируемых для реконструкции изразцовых печей.

Изразцовая печь XVII в. Существует множество реконструкций печей XVII в. с использованием поливных полихромных изразцов³. В нашем случае в соответствии с археологической базой это должна быть печь, облицованная неполивными «красными» изразцами. В соответствии с классификацией Н.И. Немцовой это печь готического типа (тип I) – печи с облицовкой всеми видами рамочных изразцов. Существовали наборы с облицовкой из красных и зеленых рамочных изразцов (выполненных из белой глины), идентичных по составу: стенные изразцы «большой» (18–20х18–20 см) и «малой руки» (13–15х13–15 см), плоские пояса, перемычки и городки. О составе печных наборов из зеленых рамочных изразцов (выполненных из красной глины), а также

из полихромных рамочных изразцов не сохранилось никаких сведений: неизвестно, применялись ли кроме изразцов «большой руки» стенные изразцы «малой руки»⁴. В XVII в. печи ставили чаще всего в углу с топкой из сеней или с улицы.

До сих пор не известно ни одного фундамента от печей I типа, поэтому об их габаритах можно судить только предположительно. Никому не удавалось установить полностью печной набор из рамочных изразцов⁵. Выяснение полного состава печного набора этого типа приобретает особую важность, так как на изразцах помещены сюжетные изображения, которые нельзя домыслить. Не имея ни одного примера для сравнения, не удавалось определить, какое количество сюжетных изображений могло повторяться, был ли набор сюжетных изображений более или менее постоянным в разных печах или произвольным, зависящим от вкусов керамиста-печника или заказчика. Несмотря на это, существует несколько реконструкций печей из красных изразцов: реконструкция печи в Новодевичьем монастыре (1980–1997 гг., автор С.А. Маслих), реконструкция печи в Старом Английском дворе в Москве (1980-е годы, авторы И.И. Казакевич и Е.П. Жаво-ронкова)⁶.

Изразцов данного вида в Свияжске найдено довольно мало – это рамочные изразцы, изразцы-перемычки с рельефным рисунком, не покрытые поливой. Изразцы этого типа сконцентрированы в месте расположения соборной Рождественской площади⁷. Для воссоздания образа такой печи, кроме указанных выше реконструкций и археологических источников, могут служить работы А.В. Филиппова, Н.А. Баклановой, И.Е. Забелина, М.Г. Рабиновича и т.д.⁸

Изразцовая печь в интерьере купеческого дома XVIII–XIX вв. Источником для реконструкции печи этого хронологического периода в Свияжске послужила фотография печи из Архимандричьего корпуса Успенского Богородицкого мужского монастыря, сделанная в середине XX в. По воспоминаниям старожилов, эта печь была разрушена в 1980-е годы. На фото изображен выступающий в помещении угол проемной печи⁹, с облицовкой гладкими расписными изразцами прямоугольной формы, иногда с рельефным орнаментом.

По используемой нами классификации Н.И. Немцовой это печь ренессансного типа (тип II). Состав композиционных элементов этого набора из безрамочных рельефных и гладких изразцов известен полностью. В него входили: стенные (плоские и круглые) изразцы, плоские

и три вида профильных поясов, городки, подзоры, ножки. По орнаменту таких рельефных изразцов можно выделить две разновидности печных наборов: *первая*, имевшая в разных городах центральной России (Костроме, Ярославле, Владимире Суздале, Москве и др.) « типовые » орнаменты стенных изразцов и изразцов вспомогательной группы. Такие печные наборы условно будем именовать «московскими». *Вторая* – печные наборы, обладающие своеобразными орнаментами изразцов, характерными для каждого изразцового центра – например, с сюжетными изображениями, традиционными для рамочных изразцов, но архаичными для безрамочных (Владимир – Суздаль, Ярославль и т.д.) или с растительными ренессансными орнаментами своеобразного рисунка (Балахна, Псков).

В печном наборе второй разновидности из рельефно-расписных изразцов, изготовленных в разных изразцовых мастерских центральной России, известно более десяти видов рисунков стенных изразцов и по два-три вида рисунков каждого пояса вспомогательной группы облицовки. При анализе изображенной на фото печи и археологических источников стало ясно, что в данном случае использован печной набор, состоящий из гладких поливных изразцов с нанесенной росписью голубой или синей краской с добавлением желтой в росписи рельефных орнаментальных рамок. Сюжеты росписи имеют около 10 вариаций. Даже при использовании стандартного набора изображений очевиден тот факт, что каждый изразец расписывался вручную. Изразцы из этого печного набора невозможно назвать образцом народно-прикладного искусства – роспись зачастую нанесена небрежно, с подтеками и следами расплывшейся поливы.

Источниковая база для воссоздания печного набора ренессансного типа наиболее обширна. Изразцы XVIII–XIX вв. в Свяжске распространены повсеместно, и среди них представляется возможным выделение различных печных наборов.

Попытка воссоздания изразцовых печей в интерьерах эпохи для музейного показа на базе историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск» является первым шагом к разработке и осуществлению подобных проектов в республике. К сожалению, скудость источниковой базы, ограниченность во времени, отсутствие специалистов не позволяют на данном этапе изучить эту проблему в надлежащем объеме с детальной проработкой всего комплекса существующих источников.

¹ Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 350.

² Карташѣва Е.И. Научная концепция стационарной исторической экспозиции музея «Остров-град Свияжск». Казань, 2011. На правах рукописи.

³ Баранова С.И. Указ. соч.; Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1983.

⁴ Немцова Н.И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. М., 1989. С. 7–8; Баранова С.И. Указ. соч. С. 74.

⁵ Немцова Н.И. Указ. соч. С. 9

⁶ Баранова С.И. Указ. соч. С. 74

⁷ Ахметгаллин Ф.А. Отчёт об археологических охранно-спасательных исследованиях на о. Свияжск (Республика Татарстан) за 2010 год (Рождественская площадь, раскопы I, II, III). Казань, 2011.

⁸ Напр.: Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3. / Под ред. Н.Н. Воронина. МИА. № 12. М.; Л., 1949.; Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. Вып. I. М. 1938; Бакланова Н.А. Обстановка Московских приказов в XVII в. // Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. Кн. 1. Ч. 1. Государев двор или дворец. М., 1990.

⁹ Прѐмные печи – это две печи, расположенные в смежных помещениях, но конструктивно объединенные в одну, имеющую общую топку, которая размещена против торца стены, разделяющей печи. Для устройства таких печей в стене между смежными помещениями во время строительства оставляли проем, что и обусловило их название.

«А как рожала Ваша бабушка?» Проблема сохранения традиционной родинной обрядности албанцев Приазовья

Этнография родинных обрядов является неотъемлемой частью изучения традиций любого народа. Пожалуй, все народы и в прошлом, и в настоящем придают большое значение рождению нового человека, исполнению определенных действий, магических или бытовых, способствующих защите, здоровью, благополучию матери и ребенка. Во взглядах на рождение и воспитание детей сконцентрированы базовые мировоззренческие представления людей, поскольку именно они включают в себя понимание сущности человека и его духовного предназначения.

Большой интерес вызывает изучение родинной обрядности албанцев Украины, расселившихся на территории Одесской области (Южная Бессарабия, или Буждак) и Приазовья в начале XIX в., по сей день представляющих собой одну этническую общность. На юге Республики Украина расположены четыре села с албанским населением: с. Жовтневое (прежнее название Каракурт), с. Девненское (Таз), с. Георгиевка (Тюшки) и с. Гамов-ка (Джандран). По данным исследователей, занимавшихся в разные периоды этим регионом, албанцы переселились на территорию Российской империи в 1811 г. в связи с османским гнетом на территории Балканского полуострова¹. До прихода на Запорожские земли албанцы несколько веков (ориентировочно с XVI в.) прожили в Восточной Болгарии в тесном соседстве с болгарами и гагаузами, также мигрировавшими в Россию².

Материалами для статьи послужили данные, собранные автором по теме «Родинная обрядность» во время работы в пяти этнолингвистических экспедициях в албанские села Приазовья. Основным пунктом сбора материала является с. Георгиевка.

Исследования в области традиционной обрядности, как правило, затрагивают проблему сохранения исконных установок и обычаев. В частности, как в случае с албанцами Украины, когда речь идет об этносе, долгое время развивающемся в условиях полиэтничности с учетом перемены и развития внешних факторов: социальных, экономических, культурных, политических (например, советский период и современная государственная политика Украины).

Большинство исследуемых родинных обрядов сохранялось в полной мере у албанцев Приазовья до середины XX в. Развитие здравоохранения в советское время, появление квалифицированной медицинской помощи и роддомов практически нивелировали народное акушерство. По этой причине наиболее доступным методом описания традиционного культурного кода является фиксация материала в ретроспективе и работа с пожилыми женщинами – информантами, не покидавшими пределов села в течение жизни, воспоминания которых отражают их собственный опыт, а также бытовавшие во времена их родителей традиции.

Однако было бы преждевременно полагать, что комплекс традиционной обрядности албанцев Приазовья, связанный с рождением детей, совершенно исчез. Если родинный комплекс условно разделить на 3 цикла – дородовой, родовой и постродовой, – то можно сказать, что с течением времени больше всего «пострадал» цикл обрядов, сопутствующих родам. Утрата определенных обрядовых действий произошла, прежде всего, из-за того, что исчез институт повитух, а некоторые магические действия, например, закапывание плаценты под деревом во дворе дома или перерезание пуповины, в больничных условиях выполнять просто нет возможности. Значительно лучше сохранились пережитки традиционной родинной обрядности, связанные с народными верованиями в отношении беременной женщины, постродовые ритуальные действия, направленные на защиту роженицы и ребенка, а также обычаи, сопутствующие таким событиям, как первое купание, первый шаг, первая стрижка и т.д.

Итак, остановимся на некоторых наиболее распространенных пережитках традиционных обычаев и верований родинного цикла албанцев Приазовья.

Как и в прошлом, женщины стараются скрывать свою беременность и сроки родов, опасаясь сглаза. Беременные стараются избегать больших скоплений людей, не участвуют в похоронах, близкие скрывают от них неприятные события, которые могут напугать женщину и навредить будущему ребенку. Сохраняются и традиционные приметы в отношении беременной. Нельзя, например, ударять ногою животных, иначе на теле ребенка появится участок с шерстью; нельзя переступать через кочергу или веревку, так как в противном случае ребенок запутается в пуповине.

В наши дни сохраняется традиционное более благосклонное отношение к рождению мальчиков, характерное для патриархального типа албанской семьи³. Здесь уместно процитировать слова одной из информанток, рассказывающей о том, как она поехала встречать невестку из роддома: «Знала бы, что девка, и не ехала бы!»⁴. Патриархальный уклад сохраняется и в неравнозначности родственников жениха и невесты. Несмотря на то, что сегодня молодые чаще живут отдельно, родители мужа почитаются в первую очередь. Для детей, например, бабушка со стороны отца обозначается специальным термином родства – *маля*, и обязанность внуков помогать или навещать бабушку с дедушкой распространяется только по отцовской линии. Также, несмотря на современные самые разнообразные возможности имянаречения, в большинстве семей сохраняется традиция называть первенца в честь родителей отца ребенка.

Практически у всех балканских народов распространено поверье, будто судьба ребенка «пишется» тремя мифическими существами в первые дни после рождения. Представления об этих существах различные, чаще их описывают в образе трех женщин – предсказательниц (болг. *орисници*, *наречници*; рум. – *ursitoare*⁵; серб., макед., хорв. *suđenice*, *usude*, *vršnice* и др⁶). Пережитки этого мифологического сюжета о даровании судьбы живы в разной интерпретации и у албанцев Приазовья. Существует легенда о «трех мужиках», которые появляются в первую ночь после рождения ребенка, и идентичная по содержанию легенда о трех ангелах или, как вариант, – о мужчине в белых одеждах, которого информанты ассоциируют с образом Бога, что, по всей видимости, вызвано влиянием христианства, усвоенного народной традицией с мифологическим смыслом⁷. Из-за давности и размытости образа определенного названия этим существам нет, как у других народов Балкан. Сближает верование албанцев Приазовья с балканскими мифами о предсказателях судьбы не столько число мифических существ, сколько функции, которые они несут. Предначертанное предсказателями является судьбой, которую невозможно изменить: двое из них предрекают ребенку скорую смерть и иные напасти, а третий как бы находит компромисс и дарует ребенку здоровье, устанавливает продолжительность жизни, профессию, время вступления в брак.

В наши дни сохраняются пережитки верований о том, что женщина в течение сорока дней после родов остается «нечистой» и вместе с ребенком представляет доступный объект для злых сил. Нестабиль-

ность положения новорожденного ребенка и матери и их одновременное «нахождение» в двух мирах, мире реальном и мире зла, диктуют соблюдение различных ритуальных и бытовых ограничений⁸. Роженице повязывали красную нить на руке для защиты от сглаза, ей нельзя было выходить за пределы двора, спать с мужем и т.д. На место, где лежала роженица, запрещалось садиться. Сегодня несоблюдение роженицей сорокадневного периода вызывает осуждение у представителей старшего поколения, например, в ситуации, когда молодая мать выходит на прогулку с коляской. С другой стороны, сама роженица представлялась опасной для окружающих: она ела из отдельной посуды, не готовила пищу, не ходила в церковь. С течением времени некоторые верования в отношении роженицы, утратившие актуальность, перешли в иную сферу с аналогичной родинной семантикой. Например, считалось, что у человека, который что-нибудь займет у роженицы, непременно случится в доме беда. Сегодня в доме, где случился приплод скота, хозяин гостю откажет в просьбе одолжить необходимое, опасаясь причинить беду.

Наиболее сохранными элементами в традиционном культурном коде являются верования в заговоры, талисманы, колдовство и эффективность народной медицины. Традиционным детским оберегом является небольшая бусинка в виде глаза, которая передается в семье из поколения в поколение для защиты от сглаза. Такие обереги в начале XX в. были привезены знатными односельчанами из паломнических хождений в Иерусалим.

Большое значение придается народной магии и медицине при лечении детских болезней – среди сельского населения широко распространено мнение о том, что лечение в больницах может нанести ребенку только вред. Для иллюстрации можно привести беседу с фельдшером из местного фельдшерско-акушерского пункта, молодой албанкой 32 лет, в обязанность которой входит осмотр новорожденных детей. Она призналась, что своих детей лечит только у «знающих» женщин, поскольку только они могут обнаружить истинную причину детской болезни.

В качестве другого примера можно привести обряд «продажи» ребенка. Такой обряд совершался матерью в случае смертельной болезни у ребенка с целью обмануть злые силы и даровать ему новую жизнь. В первоначальном исполнении мать выносила рано утром больного ребенка на перекресток, пряталась и ждала первого встреч-

ного. Человек, обнаруживший ребенка, становился второй матерью или отцом ребенку. Люди верили, что с этого момента ребенок должен пойти на поправку. Позже этот обряд стали совершать в домашних условиях. Мать оставляла ребенка у открытого окна, и любая проходившая мимо женщина могла его забрать. На следующий день родная мать отправлялась с подарками к «новой» матери забирать своего ребенка. В наше время сельские женщины просто договариваются между собой о «продаже» больного ребенка. Однако, несмотря на трансформацию и упрощение обстоятельств и ритуальных манипуляций, семантика обряда осталась прежней – обмануть или запутать злые силы, наславшие болезнь. В качестве доказательств информанты указывают на взрослых сельчан, жизнь которых благодаря обряду «продажи».

Неотъемлемой частью цикла обычаев, связанных с детьми, являются события с участием кума: крещение, первая стрижка и т.д. В данном контексте стоит отметить специфику института кумовства. Балканские народы всегда придавали большое значение кумовству, зачастую приравнивая его к кровному родству⁹. Раньше кумовство было наследственным, и статус кума переходил к представителю следующего поколения только в случае каких-либо несчастий. Кум был один для всех детей в семье, к нему относились с большим уважением и почтением. Несмотря на то, что институт кумовства во многом видоизменился – теперь для каждого ребенка выбирают своего кума, – внимательное отношение к кумовьям сохраняется и в наши дни. Они являются первыми гостями на семейных торжествах, в календарные праздники дети в первую очередь навещают кумовьев с подарками и поздравлениями¹⁰. Кумовья, в свою очередь, опекают крестных детей и нередко после их взросления становятся им близкими друзьями.

Итак, если говорить об изучении традиционной родинной обрядности албанцев Приазовья, становится очевидной задача охарактеризовать исконные обычаи и верования, выявить пережитки обрядов в современных условиях и зафиксировать случаи трансформации архаичных обычаев в новые. Так, трансформационные случаи позволят получить материал о новых источниках возникновения верований. И если, например, роддом как объект при описании традиционного родинного цикла смысла не имеет, то на современном этапе может стать богатым этнографическим источником.

-
- ¹ *Шарапова Л.В.* Албаноязычные поселения Болгарии и Украины // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1. М., 1990. С. 118–119; *Державин Н.С.* Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. 1949. № 2. С. 160.
- ² *Мещеряк И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1834 гг. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). Кишинев, 1965; *Маркова Л.В.* Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар Юго-Западных районов СССР (К вопросу об устойчивости этнических традиций) // Actes du Premier Congres International des Balkaniques et Sud-Est Europeennes. София, 1971.
- ³ *Gjergji L.* Roli i femrës shqiptarë në familje dhe në shoqëri. Drita, 1990. Ff. 24–25.
- ⁴ Полевые материалы автора.
- ⁵ *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родинный текст. М., 2007. С. 191–193.
- ⁶ *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Югославянские народы // Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. Т. 1. М., 1995. С. 147.
- ⁷ *Толстая С.М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 59.
- ⁸ *Бромлей Ю.В., Кашуба М.С.* Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 199–200.
- ⁹ *Цивьян Т.В.* Лингвистический основы балканской модели мира. М., 1990. С. 179–184; *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 41.
- ¹⁰ *Иванова Ю.В.* Албанцы // Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. Т. 1. М., 1995. С. 284–285.

**Частная жизнь и семейные отношения англичан
в сочинениях иностранных путешественников
первой половины XIX века**

Одним из важнейших источников для изучения истории Англии первой половины XIX в. и формирования этнических представлений является литература путешествий. В ней отражены наиболее актуальные для страны проблемы, начиная от колониальной истории, внутриполитических вопросов, заканчивая историей частной жизни, историей повседневности британцев. Тема детства, которая активно исследуется в современной исторической науке как одна из сфер частной жизни, затрагивалась и путешественниками. Изучение отношения к детству в английском обществе первой половины XIX в. позволяет судить об особенностях менталитета людей изучаемого периода (как самих британцев, так и путешественников) и выходить на проблемы не только частной, но и публичной сферы жизни.

Данная работа написана на основе путевых заметок, писем, а также путеводителей, составленных иностранцами, посетившими Англию в первой половине XIX в. Для рассмотрения семейных отношений и домашнего воспитания англичан были выбраны несколько сочинений путешественников, как русских, так и западноевропейских, побывавших в Англии и в ряде стран Западной Европы. Заметки многих путешественников, прежде всего русских, часто содержат одни и те же сведения, и это не всегда плагиат: просто принадлежность к общей культуре создает тождественное отношение к увиденному, общую его оценку, а порой предопределяет и сам рассказ.

В Англии большое значение уделялось семье, и семейные отношения были, пожалуй, главной ценностью для британцев. Это относится, прежде всего, к представителям высшего класса. В записках русских путешественников А. Забелина, И. Головина, Н.И. Греча это наиболее обширно освещенная тема. В первую очередь хочется отметить, что самым ярким примером почитания семейных ценностей, примером родительской любви, хорошего английского воспитания и заботы о детях для всех англичан являлась семья королевы Виктории. Русский путешественник А. Забелин в «Очерках заграничной жизни» пишет: «Свою королеву Викторю англичане уважают не только как королеву,

но и как женщину и мать, могущую служить образцом всем своим подданным. Она ведет истинно семейную жизнь без балов и вечеров, среди своих детей, которых, говорят, даже сама учит первоначальной грамоте...»¹.

И. Головин в сочинении «Десять лет в Англии» отмечает: «Нигде семейство не стоит на более прочных основаниях, как в Англии. В Америке седины не уважаются, потому что одно юношество полагается способным ко всему; но нигде старики так не милостивы, как в Англии. Нигде замужество так не упрочено, как у англичан; не столько законы, сколько обычаи производят радостное это явление...»². И. Головин особо отмечает роль женщины в английской семье: «Женщины Англии... одеваются просто, они веруют в Бога, они преданны мужу, любят детей, обязанность, это не вертопрашки, не ласточки. Отнимите женщин от Англии, и что в ней останется? Грубые мужчины, островитяне, не люди, а Англичане? О нет! останутся еще дети, эти преобразования жен, об которых папа говорил, что они не Англичане, а ангелы!»³.

Н.И. Греч в своих «Путевых письмах» также восхищается семейными отношениями высшего класса английского общества: «И в самом деле, если что в Англии достойно уважения, подражания и зависти – это домашняя жизнь достаточных, благовоспитанных англичан. Там красуются все добродетели человека, отца, брата, сына; там возрастают и приносят плоды добродетели гражданские. И это основательное, неизменное воспитание, это постоянное внушение исполнения своих обязанностей и пользования своими правами образовало почтенный английский характер; основало общество британское; поддерживает древнюю Англию посреди бурь и треволнений, и ручается в ее долгоденствии. К этому присоединяется искреннее благочестие, душевная набожность образованных сословий Англии»⁴.

А. Забелин в «Очерках заграничной жизни», касаясь темы английской семьи и семейных отношений, описывает часть своего путешествия на поезде вместе с семьей англичан, свои наблюдения за европейцами во время всего заграничного путешествия. Он отмечает, что англичанин всегда путешествует с женой, а особо богатые – с детьми. Отношения между супругами автор описывает следующим образом: «Англичанину уже под 40 лет, жене его около 35, но нежность их друг к другу так велика, как будто бы они недавно обвенчались... Эту нежную семейную дружбу я видел во всех англичанах, попадавшихся мне во

время моего путешествия. Недаром вся Англия славится семейной жизнью»⁵.

Тема семейной жизни затронута в сочинениях немецких путешественников. К. Мориц в работе «Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии» также касается темы отношений родителей и детей. Автор отмечает, что «родители здесь даже самого бедного состояния, кажется, к своим детям весьма благосклонны и снисходительны, не так как у нас обременяют их побоями и бранными словами. Дети здесь должны еще заблаговременно учиться уважать себя, вместо того, чтобы у нас родители низкого состояния воспитывают их в таком невежестве, в каком живут сами»⁶.

Еще одно немецкое сочинение «Картина Лондона, или изображение лондонских нравов в начале девятнадцатого века» иначе характеризует отношения в семье. Рассказывается об отношении матери к своим детям, их воспитанию, приводится описание типичного дня матери: «Здесь модная мать едва ли видит детей своих в целые сутки. Она разъезжает по лавкам и картинным галереям, посещает знакомых женщин, дома занимается туалетом, после обеда готовится в театр или оперу или на концерт, возвращается после вечернего собрания, занимается игрой до глубокой ночи или до рассвета. Супруга видит за обедом, поговорит о способах к образованию ума и сердца детей своих – весь материнский долг. Платит учителям. При воспитании дочерей – приучает к наружной красоте»⁷. Таким образом, несмотря на то, что большинство путешественников отмечают важность семьи, семейных традиций и ценностей для британцев, все же встречаются упоминания об обратном.

Обратимся теперь к теме домашнего воспитания и образования в Англии, также описанной в сочинениях путешественников. «Рано начинается воспитание в домашнем кругу или в народных училищах, – пишет А.С. Хомяков, – ребенка вводят в науки разнообразныя, и богатыя словесость, полная жизни, полная веры, полная старых сказаний и любви к старине, и в то же время не чуждая никаким новейшим открытиям. Это богатство и живость детской словесности происходит не от системы, но от той глубокой и трогательной любви к детскому возрасту, которая везде поражает путешественника в Англии и сама имеет корнем чистоту быта домашнего. Мало по малу крепчающий ум доходит до высших коллегий, до коллегий университета»⁸. Отметим, что путешественник положительно оценивает английское образование, он

также обращает наше внимание на разнообразие обучения, на внимание к детям, любовь к ним.

Положительно характеризуют домашнее воспитание русские путешественники А. Забелин и К. Паулович. А. Забелин описывает французскую мать, которая во время путешествия, участником которого был и автор «Очерков заграничной жизни», болтала со своими детьми двух и четырех лет, отпускала фразы типа «какой прекрасный вид», «как это мило» и проч. Забелин, сравнивая английское семейное воспитание и образование с французским, отмечает: «Она не объясняла старшему своему очень острому ребенку, отчего какой-нибудь ландшафт прекрасен, или мил, но учила его, как учат попугаев, затверживать фразы. И это я видел не один раз. Что же после того удивляться, что французы выходят пустыми фразерами, когда их с детства приучают только к фразам»⁹.

К. Паулович в «Замечаниях о Лондоне» пишет, что воспитывать своих детей дома до поступления их в гимназии или университеты могут позволить себе только богатые родители, которые специально нанимают учителей¹⁰. «Англичане среднего, обыкновенного класса, занятые непрерывно своими промыслами и делами, отдают детей своих для обучения в *Loding and boarding schools*. В этом народном училище дети их постоянно живут, обучаются, подсматриваются и кормятся за низкую плату»¹¹. Несмотря на то, что домашнее воспитание и образование было распространено в Англии, оно было доступно только высшему классу, в то время как средний класс был занят зарабатыванием денег и для него наиболее удобны были интернаты.

Вернемся к немецкому сочинению «Картина Лондона, или изображение лондонских нравов в начале девятнадцатого века», в котором совсем иначе описывается английское домашнее воспитание. Автор утверждает, что воспитание в Англии недостаточное, и это ведет к повреждению нравов. Вот что сообщается о воспитании детей разных сословий английского общества. Во-первых, дети дворянства «воспитываются таким образом, что покажется, будто бы родители их уверены, что дети их совсем не имеют нужды в воспитании». Дети богатых граждан, купцов и ремесленников в воспитании не лучше: «В детстве дается своенравию их полная свобода и считается за крайнее безумство содержать их в строгой родительской подчиненности. Большая часть матерей сего класса ослеплены лживою нежностью и не имеющие понятия об истинной материнской любви стараются непрестанно

угождать прихотям и даже самым несносным пожеланиям ребят своих»¹². Такие дети, считает автор, «бывают дерзки и надменны..., негодны к делам, требующим порядка и обуздания страстей»¹³.

«Жребий детей простых людей есть еще жалостнее». Воспитанию в большинстве простых семей не уделяется должного внимания, конечно, бедным детям не приглашают учителей, и в возрасте 9–10 лет всякое их образование (если таковое было) прекращается, их отдают в лавку ремесленника на 7–8 лет «совершенного рабства»¹⁴.

Из доступных нам сочинений путешественников были рассмотрены работы русских, немецких французских, швейцарских авторов. Не все работы содержат сведения о частной жизни англичан, некоторые путешественники обращали внимание прежде всего на архитектуру английских построек; в некоторых трудах даны сведения о политических событиях того времени. Н.А. Ерофеев утверждает, что русские путешественники, «не обладая серьезным знанием английской экономики и политической жизни, ее социальных проблем, старались не касаться этих сторон и ограничивались рассказом о том, что видели непосредственно. В их книгах мы находим описания улиц Лондона, мостов и памятных мест, художественных галерей и зрелищных предприятий»¹⁵. Однако достаточная часть работ все же содержит информацию о быте и нравах английского общества. Авторы отмечают особенности классов английского общества, а также характеризуют отношение к детям представителей каждого из классов, в том числе среднего класса, выделившегося в исследуемый период.

¹ Забелин А. Очерки заграничной жизни. М., 1861. С. 346.

² Головин И.Г. Десять лет в Англии. СПб., 1858. С. 14.

³ Там же. С. 117–118

⁴ Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб., 1839. С. 47.

⁵ Забелин А. Указ. соч. С. 29.

⁶ Мориц К. Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии. М., 1795. С. 108–109.

⁷ Картина Лондона, или изображение лондонских нравов в начале девятнадцатого века. СПб., 1807. С. 199–200.

⁸ Хомяков А.С. Письмо об Англии // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1900. С. 133.

⁹ *Забелин А.* Указ. соч. С. 301.

¹⁰ *Паулович К.* Замечания о Лондоне. Харьков, 1846. С. 143.

¹¹ Там же.

¹² Картина Лондона... С. 214.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. М., 1982. С. 49.

**Русские паломнические хождения в Святую землю и Египет
XVI–XVIII вв. о мощах святых, телах проклятых и других
человеческих останках**

Мощи святых – один из видов реликвий, которым уделялось внимание в русских паломнических хождениях к Иерусалиму и к святым местам Египта. Наряду с этим некоторые русские описания паломничеств в Святую землю и Египет, достаточно поздние, не ранее XVI в., включают в себя рассказы об останках, которые не принадлежат святым, но сохраняют целостность, неповрежденность долгое время после смерти, либо захоронены непривычным для русских паломников образом, либо не поддаются захоронению в земле, либо обнаруживаются при особых обстоятельствах и в определенные сроки и т.п. Истолкование и оценка подобных состояний авторами хождений вполне заслуживают особого исследования, которое сопряжено с преодолением методологических трудностей.

Интерес в связи с указанной темой представляет «Хождение в Святую землю» Иоанна Лукьянова, московского священника, тесно связанного со старообрядцами¹. Это – описание путешествия, совершенного в 1701–1703 гг. Первая редакция создана не ранее 1703 и не позднее 1734 г.; вторая и третья, скорее всего, относятся ко второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XVIII в., причем временной разрыв между ними незначителен². Приведем фрагменты повествования, где четко выражен интерес к состоянию останков и его значению.

В Киево-Печерском монастыре, который паломники посетили по пути в Иерусалим, святые отцы лежат «в *нетленныхъ плотехъ* – что живья». Это понимается однозначно: «*Тако Богъ прославиль своихъ угодниковъ, боящихся его*» (здесь и далее курсив мой. – О.Б.)³. В данной статье цитируется первая редакция «Хождения в Святую землю» Иоанна Лукьянова, опубликованная Л.А. Ольшевской и С.Н. Травниковым по списку Р из собрания Рогожского кладбища, середины XVIII в.; соответствующие страницы указываются для всех трех редакций.

«Что живья лежат» и проклятые митрополитом изменники из города Акко (текст XVIII в. знает его как Птоломаиду, Втоломаиду, Акри,

Аскри), некогда указавшие туркам, где лучше идти на приступ во время осады: после смерти их тела, как и тела их потомков, не принимает земля. «А когда мы ходили, и увидели башни *много плотей человеческих не в разсыпани, целы* и саваны, какъ топерво положены. И мы спросили старца, кой нас водиль: «Что, моль, ето за *тела* лежать, что они в *целости* и чего ради в таком месте и в презорстве [пренебрежении]?» И онъ намъ сказал: «Дивная вещь над етими людми сотворилася, уже-де инымъ от нихъ 300 летъ»⁴. В действительности Акко был завоеван турками-османами в 1517 г.

Указаний на то, на каком языке и через посредство кого происходила беседа со старцем (т.е. монахом), текст не содержит. Греческого, как и других языков, кроме русского, Иоанн Лукьянов не знал, с греками и турками общался через переводчиков (в описаниях многих обстоятельств об этом сказано). Этническая принадлежность его собеседника также не определена, в тексте только говорится, что в городе живет митрополит Птолемаидский, а местные христиане (подразумевается: православные) – арабы, и они хорошо принимали странников. По всей вероятности, митрополит был греком; кем был «гид» Лукьянова – не поясняется. Однако о митрополите, который был «родом арапъ» и с которым паломники встретились в Вифсаиде, автор пишет особо. Впоследствии, в Иерусалиме, арабское происхождение монастырского старца, митрополита Иорданского и других лиц также указывается специально.

Согласно рассказу старца (как он передан хождением), изменники были прокляты в церкви тогдашним митрополитом: «И тот-то де весь род тут лежить: *коего-де не погребуть, а земля и выкинетъ вонъ*; так-де потому знаемъ, что тотъ человекъ того роду. Да все-де их от техъ пор тутъ кладуть; так-де, бывало, ужась от них: мимо проитти нельзя, *что живья* лежат. А когда патриархъ Иерусалимской ехал в Царьград и тутъ-де к намъ заехал, так-де стали ево граждани молить, чтобы их разрешил. Так-де патриархъ Досифей проговорил над ними молитву разрешалную, такъ они *поразсыпались, а то-де ужась быть*»⁵.

Воссоздать само сообщение местного монаха, а тем более процесс его восприятия и осмысления Иоанном Лукьяновым – невозможно. Доступен для рассмотрения только «остаток» – фрагмент книжного текста, передающий чужой рассказ (возможно, имевший место) и якобы непосредственные впечатления автора. Заметны странности в отнесенной хронологии событий. Паломники сами видели мертвых

целыми и лежащими, «как топерво положены», однако выслушали рассказ о том, что «ужась был», проклятие снято и тела усопших «поразсыпались». Возможно, это – следствие того, что рассказчик, столкнувшись с некими реалиями и получив информацию о них, старался и выступить как свидетель, очевидец, и соотнести свои наблюдения с рассказом старца. Не исключено также, что здесь видны последствия редактирования первоначального текста. Редактору, если его вмешательство здесь имело место, не удалось сделать этот фрагмент полностью непротиворечивым. Так или иначе, но из-за противоречий в тексте явно заметно стремление опознать и пересказать до конца некий приличествующий описываемым объектам сценарий событий, – в соответствии со знаниями о подобных случаях, с культурными установками.

Сведения, включенные в тексты хождений, в целом не однородны по своему происхождению. В том числе русские описания паломничеств могут различными своими фрагментами представлять если не текстуальные совпадения с греческими и русскими источниками, то, как минимум, греческое и русское (возможно, и какое-либо третье) осмысление объектов описания – в связи с разными традициями почитания мощей, разным пониманием нетленности и целостности тел после смерти⁶.

Указанные традиции в отдельных случаях накладываются друг на друга. Например, такие же причинно-следственные связи, как в рассмотренном отрывке, выражены в цитируемых Ф.Б. Успенским греческих записках из канцелярии митрополита Феогноста (1330 г.), где сказано, что «тела отлученных не разлагаются, так как отлучаются от Бога иереем и стихии не смеют принять его [отлученного]»⁷. Однако в хождении Иоанна Лукьянова нет признаков того, чтобы русские паломники были убежденными сторонниками следующей точки зрения греческого духовенства: «Тела же святых [разлагаются], так как мир прежде был неиспорчен и в таком виде будет восстановлен. И они принимают как бы некий залог ожидающей их славы»⁸. В тексте Лукьянова целостность, нерассыпанность останков может означать в разных случаях либо святость, либо проклятость покойных (однако слова «неистление», «нетленный» и т.п. автор последовательно избегает применять к целым телам проклятых и грешных).

Нетленностью и целостью после смерти отличаются тела святых. Это убеждение с определенностью характерно для русских. Останки

святых также могут сохраняться в виде рассыпанных, отдельных костей: так, греческие монахи из лавры св. Саввы объясняют паломникам, что кости, лежащие в пещере, – это «мощи новых мученик»⁹. Это мнение присуще грекам и допускается русскими. Мертвые тела могут сохраняться в целости из-за проклятия иерея – данная точка зрения была свойственна греческой церковной традиции и могла быть принята русским священником.

Насколько позволяет судить текст Иоанна Лукьянова, значение, которым обладает состояние человеческих останков, в каждом конкретном случае определяется как минимум несколькими факторами из следующего ряда: предварительными знаниями и ожиданиями паломника; местом, в котором обнаруживаются тела или их части, и его значениями и смыслами; почетом/презрением, которым останки пользуются у местных жителей, особенно у духовенства; наличием/отсутствием (и содержанием) устных свидетельств и книжных сведений о предыстории, происхождении тел или костей – от авторитетных источников; личными впечатлениями паломника. Противоречия в повествованиях о мертвых телах и/или костях могут быть вызваны взаимным влиянием этих источников, сложностями координации их сведений между собой.

Малый объем данной статьи не позволяет дать сколько-нибудь представительный обзор сведений, сообщаемых паломническими текстами об останках людей, которые не были святыми, упомянуть о генетических и типологических связях между этими рассказами. Тем не менее следует указать на два важных вида сообщений: во-первых, о мертвых телах, выходящих в Египте из земли в Страстную пятницу и остающихся на поверхности вплоть до Вознесения дня, во-вторых – об останках странников, похороненных в селе Скудельнице (земле Горшечника, Акелдама).

Первые¹⁰, несомненно, нуждаются в изучении, однако способ его еще предстоит уточнить, а привлекать к нему более поздние и полученные в восточнославянском ареале фольклорно-этнографические данные о «поведении» покойников в период между упомянутыми датами христианского календаря – представляется научно некорректным. Об известиях второго рода надо сказать несколько подробнее.

Село Скудельнице – согласно Евангелию, участок земли, который на деньги Иуды Искариота, полученные им за предательство Христа и затем брошенные в храме, иудейские первосвященники купили «в по-

гребание странным» (Мф. 27: 7). В Средние века и Новое время так называлось место захоронения странников-христиан. Почти все русские паломники, начиная с игумена Даниила, упоминают о нем, однако подробный рассказ о том, как истлевают тела, положенные там без гробов, встречается в русских хождениях Василия Позняка и Трифона Коробейникова (XVI–XVII вв.)¹¹. Из текста, известного под именем Коробейникова, это описание с некоторыми уточнениями переносится также в хождение Иоанна Лукьянова¹².

Арсений Суханов, совершивший поездку на Восток в 1649–1653 гг., в своем «Проскинитарии» (сохранился в нескольких десятках списков, среди которых два – с собственноручными авторскими пометами) говорит о селе Скудельниче подробно, притом его рассказ самостоятелен по отношению к предшественникам¹³. Кроме того, он тщательно описывает еще одно место захоронения того же типа, под церковью Рождества Христова в Вифлееме: «...та тленная плоть яко земля черная; а иныя многия лежать кости и жилы и тело сухо и не развалилося, а тело бело, а иныя истлели, а иной человек лежить весь цель, и руце, и нозе, и глава, и утроба, и на нихъ тело сухо и бело и все составы частей целы, токмо уста мало и носъ отпаль; а что на немъ саванъ, и то все яко прахъ тленно, а цело; да и много ихъ подъ исподомъ лежать, а смраду отъ нихъ отнюдь нимало нетъ, токмо духъ тяжекъ, яко сырая земля, какъ бы въ земляномъ сыромъ погребе»¹⁴.

Наличие или отсутствие таких признаков, как нетленность и целостность, в том числе, если они не сопутствовали друг другу («все яко прахъ тленно, а цело»), могло тщательно фиксироваться – даже в случае, когда эти характеристики не соотносились напрямую с праведностью или греховностью (проклятостью) покойных. Предполагалось, что это – существенные для читателей сведения, уместные в хождениях. Это внимание, конечно, связано с представлениями о нетленности мощей святых, но распространяется на более широкий круг объектов. Итак, в период, непосредственно примыкающий к Новому времени и включающий в себя его самый ранний этап, интерес к посмертной участи человека (не только святого) удовлетворялся в немалой степени с помощью внимания к материальной стороне смерти, стал более пытливым в этом отношении. Таким образом, речь идет об изменениях некоторых составляющих религиозности и связей между ними.

Обращение не только к хождениям, но и к другим источникам, которые позволили бы уточнить, как именно менялось восприятие телес-

ной стороны смерти в русском обществе (и в конце эпоху Ивана Грозного, и в течение последующих более чем ста лет), – по-видимому, одна из дальних целей, связанных с темой данной статьи. Возможно, правильный выбор этих дополнительных источников позволил бы описать связи между такими фактами, как войны, террор, эпидемии, с одной стороны, и описания мертвых тел в паломнических тестах – с другой, но не чрезмерно упрощенные и «спрямленные».

¹ См.: *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Житие и хождение Иоанна Лукьянова // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1701–1703 / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, А.А. Решетова, С.Н. Травников. М., 2008. С. 397–398, 402 и др.

² См.: *Ольшевская Л.А., Решетова А.А., Травников С.Н.* Археографический обзор списков и редакций «Хождения в Святую землю» // Хождение в Святую землю ... С. 487, 514, 531.

³ Хождение в Святую землю ... М., 2008. С. 19, ср.: 140, 256–257.

⁴ Там же. С. 69, ср.: 184, 310.

⁵ Там же. С. 69, ср.: 185, 310.

⁶ См.: *Успенский Ф.Б.* Нетленность мощей: опыт сопоставительного анализа греческой, русской и скандинавской традиций // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003. С. 151–160.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же.

⁹ Хождение в Святую землю... С. 86, ср.: 201, 350.

¹⁰ См.: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634–1637 гг. / Под ред. С.О. Долгова // Православный палестинский сборник. Т. XI. Вып. 3 (33). СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1891. С. 16–17; Проскинитарий Арсения Суханова / Под ред. Н.И. Ивановского // Православный палестинский сб. Т. VII. Вып. 3 (21). СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1889. С. 39–42.

¹¹ Об истории этих текстов см.: Послание царя Ивана Васильевича к александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Васильем Позняковым и Хождение купца Познякава в Иерусалим и по иным святым местам 1558 года / Предисл. И.Е. Забелина // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1884. Кн. 1. М.: Университетская тип., 1884. С. I–XII; *Белоброва О.А.* Коробейников Трифон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. С. 490–491; *Белоброва О.А.* Позняков Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я / Отв. ред.

Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. С. 296–297; о происхождении легенды о селе Скудельниче см.: *Голубцова М.А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во Св. землю: «Поклоненье св. града Иерусалима» 1531 г. Издание имп. Общества истории и древностей российских. М.: Синодальная тип., 1911. С. 46.

¹² См.: Хождение в Святую землю. С. 104–105; ср.: 222, 346.

¹³ См.: Проскинитарий Арсения Суханова. С. 182–183.

¹⁴ Там же. С. 171–172.

Многоязычные банкноты КНР как практическое воплощение государственной идеологии

Многоязычные денежные знаки не такая уж большая новость для современного Китая. Первые монеты, появившись в Китае в XII в. до н.э.¹, были отлиты в виде музыкальных пластин и колокольчиков, лопат, ключей и не имели надписей. На более поздних монетах начинают появляться иероглифы. «В надписях большей частью указано место выпуска монеты или вес ее (стоимость), а иногда и то и другое»².

Ключевую роль в становлении денежной системы Китая сыграла династия Цинь, объединившая Поднебесную властной рукой первого императора Цинь Шихуана (221–210 гг. до н.э.). Под его началом была введена единая монета. Ее облик отражал космогонические представления того времени, ведущая роль в которых отводилась императорской власти. Так, круглая монета с квадратным отверстием становится визитной карточкой государства³, а все остальные средства обмена запрещаются⁴. Эта монета, как основная денежная единица, досталась в наследство последующим династиям-преемникам и просуществовала на протяжении 2500 лет. В начале XX в. в результате Синьхайской революции и дальнейших реформ был введен юань – чеканная круглая монета, подражающая западным образцам.

Структура монеты оставалась стабильной даже во время завоеваний и образования не китайских династий: киданьского Ляо (937–1125 гг.), чжурчженьского Цзинь (1115–1234 гг.), тангутского Сися (980–1227 гг.) и киданьского Силяо (1125–1215 гг.). Но появление надписей на иных языках связано именно с ними. Например, на редких монетах Сися вместо китайских иероглифов иногда появляются соответствующие тангутские⁵.

Более того, дальнейшая история XIII–XIV вв. показывает, что «все монеты времени династии Юань отливались из бронзы и сохраняли привычный для китайцев внешний вид, имея по-прежнему квадратное отверстие, а на лицевой стороне четыре иероглифа. Только иногда китайская надпись заменялась монгольской того же содержания»⁶.

В период Мин (1368–1644 гг.) китайские иероглифы возвращаются на свое законное место на монетах. А с провозглашением последней династии Цин (1644–1911 гг.) маньчжурские завоеватели, не отступая

от тысячелетних традиций государственной власти, продолжали отливать монеты привычного образца, правда, с некоторыми лингвистическими коррективами. Так, с 1616 г. Нурхацци отдельно выпускает монеты с надписями на китайском и маньчжурском языках. С 1627 г. его сын Абахай отливает монеты на маньчжурском языке. Но с провозглашением в 1644 г. государства Цин он, будучи теперь первым императором новой династии, принимает новое имя – Ши цзу, и выпускает монеты с девизом правления (Шуньчжу) только на Китайском языке⁷.

В дальнейшем, когда династия стала расширять свои границы и вводить в государственный оборот новые территории, власть закреплялась не только военными гарнизонами, но и основанием монетного двора с целью внедрения единой денежной единицы по всей империи. В период правления Канси (1662–1722 гг.) присоединяется о-в Тайвань, где создается новый монетный двор⁸. После 1720 г. – ввода императорских войск в Тибет, примерно с 1793 г. начинается выпуск двуязычных тибето–китайских монет с девизом цинского императора и порядковым годом его правления⁹. Присоединение Восточного Туркестана – Джунгарии (1757 г.) и Кашгарии (1759 г.) способствовало увеличению числа монетных дворов. Теперь монеты отливаются в местных городах (Яркенте, Аксу и Уши) с маньчжурским шрифтом и арабским письмом по-уйгурски¹⁰.

С падением династии в 1911 г. и установлением Китайской Республики на денежных знаках стал появляться и английский язык. С усилением власти коммунистической партии с 1921 по 1949 г. в Китае создаются советские районы, на территории которых вводятся локальные расчетно-денежные единицы с советской символикой и иногда с обозначением номинала на русском языке. 1 декабря 1948 г. основывается Китайский народный банк, ответственный за централизованный выпуск единой народной валюты – *жэньминьби*.

Концептуальное оформление *народной валюты* сложилось не сразу. Для начала было решено избавиться от полуколониального колорита денежных знаков Народной республики: не использовать надписи на английском языке, убрать подпись главы банка, а вместо нее ввести изображение традиционной для Китая красной печати¹¹. Первый выпуск (1948–1953 гг.), насчитывающий 62 вида купюр¹², в надписях использовал только китайскую полную иероглифику, а сюжетная линия изображений подчеркивала социалистические идеалы Нового Китая.

В 1951 г. Народным банком Китая отдельно выпускаются купюры с обозначениями на монгольском и уйгурском языках. С одной стороны, для Китая, пусть даже порвавшего видимые связи с императорским прошлым, это не было новостью. С другой стороны, их появление было продиктовано влиянием денежных знаков СССР, мультязыковая концепция которых уже вполне сформировалась к этому времени.

Первые советские расчетные знаки с гербом нового государства были выпущены в марте 1919 г. К 1920 г. их номинал вырос до тысячи рублей. «На всех купюрах этой серии текст лозунга “Пролетарии всех стран, соединитесь!” был повторен на шести иностранных языках: французском, английском, немецком, итальянском, китайском и арабском. На советских денежных знаках это было сделано впервые и символизировало интернациональную солидарность рабочего класса»¹³.

В свою очередь, корни интернациональной валюты уходят в концепцию республиканской (гражданско-национальной) концепции государственной власти, выработанной в период Французской революции 1789 г. «Деятели Великой Французской революции вложили новый смысл в термин “нация”, применив его для обозначения государства и народа как целого и противопоставив его понятию “король”. Собрание народных представителей – Генеральные штаты – превратилось теперь в Национальное собрание, и в битве при Вальми новая революционная армия пошла в атаку с криком: “Да здравствует нация!”»¹⁴.

После казни 21 января 1793 г. Людовика XVI, коллективные органы государственной власти оказались преемниками монетной регалии, ранее принадлежавшей королю. Теперь возникла необходимость в символично-визуальном выражении «коллективного монетного сеньора», именем власти которого санкционирован выпуск денежных знаков. Эти символы должны были разделяться всеми гражданами¹⁵, выражать солидарность и преданность нации в противовес монаршей присяге¹⁶. Ведь еще Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозгласила, что «источником суверенной власти является нация»¹⁷. А конституция Французской республики 1791 г. подтвердила, что «суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем. Ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление»¹⁸.

Таким образом, после провозглашения новой эпохи на монетах и ассигнатах¹⁹ появляется революционный календарь, действовавший с 22 сентября 1792 г. по 31 декабря 1805 г.²⁰, персонифицированное

изображение республики – женская голова в «в шапке свободы»²¹ (фригийском колпаке), «богиня природы»²², весы правосудия, скрижаль Прав человека, «галльский петух» как символ бдительности, ва-терпас – символ равенства, циркуль – справедливости и др. Все это заменяет традиционное изображение монарха на денежных знаках Франции. Впоследствии многие государства, совершившие переход от монархической к республиканской форме государственного устройства, сталкивались с проблемой выработки объединяющих символов для размещения их на собственной валюте.

Выработанные тогда идеи вошли в широкое общественно-политическое употребление, в результате «с начала XIX в. в большинстве западноевропейских языков слово “нация” (английское и французское – nation, итальянское – nazione и т.д.) стало использоваться преимущественно в его политическом смысле – для обозначения совокупности граждан одного государства и самого государства»²³.

По началу тех же взглядов придерживались К. Маркс и Ф. Энгельс, которые «применяют термин “нация” для обозначения политически объединенного населения того или иного государства, если это население имеет какую-то общность происхождения и языка»²⁴. В дальнейшем их взгляды несколько эволюционировали²⁵, концепция нации дополнялась, развивалась, широко применялась В.И. Лениным к проблемам революционной борьбы пролетариата и вопросам самоопределения. Наконец, И.В. Сталиным в 1913 г. было дано определение термина нации, в котором к общности происхождения и языка были добавлены общность территории, экономической жизни и психического склада. Таким образом, гражданско-государственное значение термина сместилось к пониманию, которое затем будет названо этническим. Так стала возможной идея *интер*-национального («многонародного») пролетарского государства в противовес мононациональному буржуазному.

На практике это выразилось, например, в том, что по Конституции СССР 1924 г. все декреты и постановления ЦИК, его Президиума и Совнаркома Союза ССР должны были печататься на языках, общепотребительных в союзных республиках (РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Закавказской Социалистической Федеративной Союзной Республике – ССР Азербайджан, ССР Грузии, ССР Армении) – русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюркско-татарском (Ст. 34)²⁶.

Герб страны, помещенный на первые союзные денежные знаки, обрамлялся колосьями, обвязанными витками ленты в соответствии с числом союзных республик. «Именно на этих языках на каждом витке перевязи и был написан лозунг “Пролетарии всех стран соединяйтесь!”»²⁷. Таким образом, банкноты СССР стали *интер*-национальными, а «коллективный монетный сеньор» впервые заговорил одновременно на разных языках. К 1961 г. на советских рублях число языков достигает пятнадцати: русский использовался для дизайна банкноты в целом, остальные 14 давались в отдельной рамке.

Провозгласив лозунг: «Учиться у Советского союза!», Китай сначала последовал этому примеру, введя монгольский язык на свои банкноты. Автономия Внутренней Монголии была провозглашена еще до образования КНР в апреле 1947 г.²⁸, а затем 1 мая 1947 г. создано Автономное правительство Внутренней Монголии. «Однако “внутренне-монгольский” вариант автономии не стал той моделью, которая приобрела в КНР нормативный характер: автономия во Внутренней Монголии имела признаки государственности. С образованием КНР КПК принципиально отошла от этой модели, сделав районную национальную автономию (*миньцзу цюйюй цзычжи*) исключительно административным институтом»²⁹.

Эти процессы, как в зеркале, отразились на денежном деле страны. В 1947 г. был образован Банк Внутренней Монголии. В 1948 г. название банка было изменено на Народный банк Внутренней Монголии. В марте 1951 г. он вошел в состав Народного банка Китая, т.е. стал его филиалом, расположенным на территории Автономного района Внутренняя Монголия³⁰. В том же году были выпущены купюры, на которых двуединство языков выражает единство государства. Изобразительный ряд представлен скотоводческими сюжетами.

Ситуация с уйгуроязычными купюрами 1951 г. сложилась несколько иначе. Официально Северо-Западный регион, т.е. Синьцзян, был освобожден в 1949 г.³¹, а создан только 1 октября 1955 г.³² Тем не менее Народным банком Китая в октябре 1951 г. были выпущены четыре уйгуроязычные банкноты, аналогичные тем, что содержали монгольский шрифт. Сюжетная линия, как правило, тоже связана со скотоводческими сюжетами. Однако на 500 юань помещено изображение фрагмента городской стены и ворота с надвратной башней традиционного китайского стиля, г. Чжаньдэчэн³³, который в русскоязычной историографии именуется Аксу³⁴, что в переводе с уйгурского означает

«белая» или «чистая вода»³⁵. Этот город вместе с регионом был присоединен к Китаю императором Цяньлуном, и в 1759 г. здесь был основан монетный двор³⁶, выпускавший медные деньги по китайскому образцу и с девизом правления императора.

Таким образом, включение уйгурского языка носит несколько опережающий характер по отношению к административному строительству и обнаруживает сходство с традиционным использованием монетной регалии.

Аналогично с некоторым опережением введен на банкноты и тибетский язык. В 1951 г. было подписано «Соглашение Центрального правительства КНР и местного правительства Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета». По окончании переговоров в Пекине в Тибет был направлен представитель народного правительства, а затем в сентябре 1951 г. части Народно-освободительной армии вступили в Лхасу³⁷. Но только 1 сентября 1965 г. официально было объявлено о создании Тибетского автономного района в составе КНР³⁸.

Тибетский язык на банкнотах, выпущенных 1953 г. наряду с китайским, уйгурским и монгольским, а также упорядоченной сюжетной линией станет отличительной чертой второго выпуска народной валюты.

Отход от «внутреннемонгольского» варианта автономии проявился в утверждении нормативного документа 1952 г. об «Основных принципах осуществления районной национальной автономии в КНР», согласно которому «районы национальной автономии – это “неотъемлемая часть территории Китайской Народной Республики”, а органы самоуправления имеют статус органов “местной власти”, находящихся “под Единым руководством Центрального народного правительства” и подчиняющихся “руководству вышестоящего народного правительства”»³⁹.

В 1953 г. Мао Цзэдун дал указание о трактовке термина нация: «считать все национальности страны нациями и не подразделять их (национальности), в частности, на нации и народности, как это было принято в Советском Союзе, термин миньцзу (нация) стал наименованием тех самостоятельных этнических единиц, которые и являлись конечной целью работы китайский ученых по этнической идентификации»⁴⁰.

Затем «конституция КНР 1954 г. установила лишь три административные ступени автономных единиц: автономные районы, админист-

ративно приравненные к провинциям, автономные округа (состоящие из нескольких уездов) и автономные уезды»⁴¹. Таким образом, посредством принципа районной национальной автономии на практике был найден компромисс между советским решением национального вопроса и принципом единства и суверенности страны. Теперь стало возможным легитимизировать концепцию существующих банкнот: 1 февраля 1955 г. Госсовет выпустил указ о решении обязать Китайский народный банк с 1 марта 1955 г. выпускать вторую серию Народной валюты⁴², которая использовалась вплоть до 1962 г.

Вместе с третьим выпуском (1962–1987) на банкнотах появляется язык Гуанси–Чжуанского автономного района, официально образованного 15 марта 1958 г.⁴³, а также латинизированная надпись (*пиньин цзыму*) официального произношения (*путунхуа*) – Zhongguo renmin yinhang⁴⁴.

Найденная схема, при которой китайская иероглифика и ее произношение маркируют единый общегосударственный уровень, а языки автономных районов, помещенные отдельно компактным столбиком, обозначают вторую административную ступень государственной власти, с одной стороны, отсылает к опыту Советского Союза, с другой – выявляет китайскую специфику государственной идеологии, которая не меняется и в оформлении четвертого выпуска народной валюты 1987 г., и на банкнотах последней, пятой серии 1999 г.

¹ Подробнее см.: *Потин В.М.* Введение в нумизматику // Труды государственного Эрмитажа. XXVI. Нумизматика. 6. Л., 1986. С. 74.

² *Быков А.А.* Монеты Китая. Л., 1969. С. 6–7.

³ Подробнее см.: *Ивочкина Н.В.* Китайская медная монета как модель мира // Зап. восточного отделения Российского археологического общества (ЗВО-РАО) Нов. серия. Т. I (XXXVI). СПб., 2002. С. 114

⁴ Подробнее см.: *Переломов Л.С.* Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.) М., 1962. С. 142.

⁵ Подробнее см.: *Быков А.А.* Указ. раб. С. 24–25.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Подробнее см.: *Зайцев Д.* Китайские монеты эпохи Цин (1644–1911). М., 2004. С. 6.

⁸ *Быков А.А.* Указ. соч. С. 32.

-
- ⁹ Там же. С. 32–33.
- ¹⁰ Там же. С. 33.
- ¹¹ См. подробнее: <http://baike.baidu.com/view/79766.htm>
- ¹² Краткий очерк истории Народной валюты. Официальный сайт Народного банка Китая
// http://www.pbc.gov.cn/publish/huobijinyinjv/387/1590/15901/15901_.html
- ¹³ Аксенова С.В., Жилкин А.В. Монеты и банкноты России и СССР // Полная энциклопедия монет и банкнот России. Ростов н/Д; М., 2008. С. 316.
- ¹⁴ Козлов В.И. О разработке теоретических основ национального вопроса // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 77.
- ¹⁵ Stanley J.I. Iconoclasm during the French Revolution // The American Historical Review. Vol. 60. № 1 (Oct.). 1954. P. 13–26.
- ¹⁶ Кареев Н.И. Эмблемы, аллегории и карикатуры великой французской революции // Нива. Пг., 1918. № 32. С. 504.
- ¹⁷ Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 27.
- ¹⁸ Конституция Франции от 3 сентября 1791 г. Гл. 3 «Об осуществлении законодательной власти» // Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М., 1990. С. 127.
- ¹⁹ Смирнов А.М. Кризис денежной системы Французской революции. Петербург, 1921.
- ²⁰ Потин В.М. Указ. раб. С. 82.
- ²¹ Cribb J., Cook B., Carradice I. The coin atlas. The world of coinage from its origins to the present day. L., Sydney: Macdonald and Co Ltd, 1990. P. 39.
- ²² Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993. С. 92.
- ²³ Козлов В.И. Указ. соч. С. 77.
- ²⁴ Там же. С. 79.
- ²⁵ Там же. С. 75–85.
- ²⁶ Конституция СССР 1924 г. М., 1925. С. 15.
- ²⁷ Аксенова С.В., Жилкин А.В. Указ. соч. С. 332.
- ²⁸ Народы Восточной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова, С.И. Брука, Р.Ф. Итса, Г.Г. Стратановича. М.; Л., 1956. С. 652–653.
- ²⁹ Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2001. С. 53.
- ³⁰ См. подробнее: 现代中国新编年表 1982. 6. С. 188.
- ³¹ Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959. С. 445.
- ³² Москалев А.А. Указ. соч. С. 217.
- ³³ Краткий очерк истории народной валюты.
- ³⁴ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. С.Пб., 1879. С. 273.

³⁵ Эл. энциклопедия на китайском языке

// <http://baike.baidu.com/view/2232363.htm>

³⁶ Подробнее см.: *Быков А.А.* Монеты Рашаддина, уйгурского повстанца // Страны и народы Востока. Африка и Азия. Вып. XV. М., 1973. С. 292.

³⁷ Подробнее см.: *Очерки истории Китая в новейшее время.* М., 1959. С. 473–474.

³⁸ *Москалев А.А.* Указ. соч. С. 217.

³⁹ Там же. С. 55. Подробнее об административном устройстве КНР этого периода см.: *Ширяев С.Л., Яковлев А.Г.* Изменения административно-территориального деления Китайской народной республики // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 120.

⁴⁰ *Москалев А.А.* Указ. соч. С. 150.

⁴¹ Там же. С. 57.

⁴² Краткий очерк истории народной валюты.

⁴³ *Москалев А.А.* Указ. соч. С. 217.

⁴⁴ Подробнее о реформе китайского письма см.: *Софронов М.В.* Китайский язык и китайское общество. М., 1979. С. 138.

Фотоколлекция К.Т. Софонова в собрании Этнографического музея Казанского университета: этничность и логотипизация

Разнообразные исследования визуального, ставшие результатом одного из антропологических поворотов XX в., предлагают многочисленные оптики и подходы для visual study. Медиа, в том числе и фотографию, можно оценивать как средство конструирования «воображаемых сообществ» и «изобретения метрополией колонии, центром – периферии. Об этом пишет Б. Андерсон, указывая на роль «печатного капитализма».

Практически с момента своего появления фотография вместе с прочей издательской продукцией, предоставляя широкие возможности для влияния на сознание потенциального потребителя, попала в поле зрения «ока государева». Именно этим фактом вызваны многочисленные регламенты, указы, предписания по надзору за типографиями, литографиями и подобными заведениями, издававшиеся во второй половине XIX в. Данный факт иллюстрирует теорию М. Фуко о власти, создающей режим паноптикума для своих подданных.

В центре нашего внимания – фотографическое собрание Этнографического музея Казанского университета, посвященное народам Волго-Уралья конца XIX – начала XX в. Фотографии имеют разное происхождение, в основном пополнение коллекций происходило за счет дарений и приобретений Общества археологии, истории и этнографии, экспонаты из музея которого были переданы в объединенный Этнографический музей. Важную роль в этом деле играли выставочные мероприятия, перед которыми – на фоне частой нехватки средств у Общества – выделялись или собирались конкретные суммы на покупку определенных экспонатов. Кроме того, существовал институт комиссионеров университета, к которым относились фотографы, выполнявшие съемку в научных целях. Комиссионерами Казанского университета были городские фотографы Г.Ф. Локке, В.А. Гисси, К.Т. Софонов. «Объективу» последнего, если можно так выразиться в отношении фотографа-творца, принадлежит большая часть фотофиксаций, выполненных в экспедициях в период 1887–1891 гг. по изучению финно-угорского населения (в составе экспедиции были ученые П.В. Траубенберг, М.П. Веске, И.Н. Смирнов).

Константин Трифионович Софонов открыл фотомастерскую в 1878 г. К тому моменту в Казани уже существовало немало фотозаведений, однако в основном они специализировались на изготовлении портретных снимков. Софонов предположительно уже в 1878 г. – именно эта дата указана на фирменном штампе – начал сотрудничать с университетом, благодаря чему до сегодняшнего дня сохранились типы и виды Казанского Поволжья и пограничных территорий.

Следует сказать, что успехи в развитии технологии фотографирования в конце XIX в. позволили оформиться документальному жанру фотоснимка, который выполнялся как новый вид фиксации результата наблюдения (создание в ходе эволюции письма «визуального нарратива») и как иллюстрация к исследованию (сопроводительная функция). В специализированных фотографических изданиях публиковались рекомендации к съемке. Особое внимание предлагалось уделить костюму, утвари, оружию, жилищу, т.е. именно элементы традиционной материальной культуры, видимой и осязаемой, для человека середины XIX в. были признаком «этнографичности». Подобного рода рекомендации не были искусственно созданными официальными предписаниями, а отражали существующую практику и формировались по мере накопления опыта.

«Выходу фотографа в научное поле» способствовало изобретение фотопленки, достижение новых способов закрепления изображения, облегчение и уменьшение габаритов фотокамер, снижение зависимости режима съемки от погодных условий. Практически все фотографии 1860–1890-х годов выполнялись в период с мая по октябрь, что связано, во-первых, с требованием достаточного солнечного освещения, во-вторых, с максимальной доступностью перемещения и сносным состоянием дорог в летний сезон и, в-третьих, с возможностью длительного отсутствия преподавателей университета в вакационное (каникулярное) время. Первые снимки, сделанные в зимний период, появляются в 1910-е годы и демонстрируют уличные гулянья, детский досуг, ремесленные занятия, что связано со спецификой крестьянского образа жизни в период, свободный от полевых работ.

Фигура фотографа, человека с «черным ящиком», вызывала среди инородцев неоднозначное отношение. Сохранились дневники исследователей, которые указывают на нюансы отношений в континууме «фотограф-объект съемки». Так, в одном селе староста запретил казанскому исследователю М.Е. Евсевьеву делать съемку праздничного обря-

да, передав слова жителей о том, что они не желают, чтобы с их «моления сняли портрет». Финский ученый У.Т. Сирелиус в 1908 г. отмечал в своих дневниковых записях, что удмурты ему запрещали снимать старинные постройки: «Для того ты старье фотографируешь, чтобы царю показать, в каких плохих домах вотяки живут, до какой жизни докатились, варя кумышку»¹.

Обозначенные эпизоды из полевого опыта являются ценными свидетельствами столкновения традиционной культуры и атрибутов индустриального общества, указывают на архетипы консервативного мышления и реалии современной им жизни, а также позволяют реконструировать особенности эволюции исследовательских методов и отражают вариативность коммуникации между теми, кого Р. Барт назвал «operator» и «spectrum»².

Среди фотографий фонда Этнографического музея было выявлено 77 неатрибутированных снимков, 56 из которых представлены в паспорту размера почтовой карточки. Данная совокупность не имеет указаний на место и дату съемки, однако на всех снимках проставлены порядковые номера, которые позволяют «реконструировать реконструкцию», т.е. описать первую интерпретацию, выполненную до революции кем-то из музейных сотрудников. На тот факт, что номера проставлены не К.Т. Софоновым, указывает наличие нумерации на всех снимках фонда, в том числе работах других фотографов.

Обратимся к исследуемой совокупности. Можно выделить несколько тематических групп, согласно которым, кстати, они могли быть пронумерованы: архитектура; типы и костюмы; сакральные места; утварь; обрядность. О том, что фотографии выполнены в одном месте, свидетельствуют фон, повторяющиеся элементы (ворота, амбар или двор, небольшой резной столик) и узнаваемые лица. Любопытно, что некоторые фотографии идентичны иллюстрациям из «Этнографических альбомов»³ Николая Васильевича Никольского – чувашского исследователя, который, по всей видимости, имел доступ к фотографиям Общества археологии, истории и этнографии. Два альбома, в одном из которых содержатся снимки с печатью К.Т. Софопова, были переданы в архив (Чувашский государственный научно-исследовательский институт) в 1950-е годы.

Фотоальбомы, помимо снимков, содержат аннотации Н.В. Никольского. В подписях иногда упоминаются географические объекты, топонимы, этнографические группы, но верификация показывает их неточ-

ность, т.е. интерпретатор не обладал полной информацией о местах и условиях съемки. В данной ситуации можно расширить схему Р. Барта, включив в «фотокоммуникацию», помимо «фотографа» и «фотографируемого», человека, который фотографии «показывает» (именно так можно охарактеризовать процесс рассматривания уже законченного и сформированного альбома) и через подписи «интерпретирует». Использование вводного слова «вероятно», отвлеченность и несвязанность изображения и письменного текста свидетельствуют в пользу того, что Н.В. Никольский не мог присутствовать при съемке и не обладал дополнительными сведениями о ней. В то же время он дает конкретное определение непонятым, с нашей точки зрения, рабочим моментам с последующей расшифровкой, например, фотография, названная им «Витье веревок»: «В лесу часто бывают нужны веревки. Толстых веревок руками не свить. Черемисин изобрел особую машину, на которой можно свить, сколько угодно, какой угодно толщины и длины. Для работы нужны три лица. Интересная сама по себе, эта работа вместе с тем и доходная» (Рис. 1).

Отдельно стоит сказать о фотографиях русского населения. Интерес «финно-угорской экспедиции» был четко сфокусирован на сборе материала о бесермянах, удмуртах, марийцах, мордве. Учитывая, что И.Н. Смирнов готовил к выпуску том по чувашам, их фиксация тоже логична. Татары на фотографиях запечатлены в минимальном количестве, и эти фотографии выполнены, скорее всего, специально перед Казанской научно-промышленной выставкой 1891 г. Кряшены (Рис. 5), происхождение которых было предметом многочисленных дискуссий, как и «поволжские финны», относились в разряд «инородцев». Однако русское население на фотографиях Софонова присутствует лишь на трех снимках, изображающих крестьянских детей, без указания на местность (Рис. 2). Такая «скудость» фиксации иллюстрирует обсуждавшуюся в научном пространстве ситуацию «асимметрии русского народоведения», когда русские выступали «колонизирующей/культурной» стороной по отношению к «нецивилизованным» инородцам. Однако крестьяне в их «темной массе» не могли восприниматься как субъекты просвещения, но и не наделялись «экзотичностью» внутренних аборигенов, поэтому чаще всего они оставались на периферии исследований. Данный факт отмечен в работе Е.А. Вишленковой «Визуальное народоведение империи»: «в историографии империи есть нерусские народы, а русские в качестве подданных, а не абстрактных не-

инородцев, так и не появились⁴». Это подтверждает и анализ публикаций «Известий Общества истории, археологии и этнографии», в которых преимущественно обсуждались обычаи и культура именно нерусских групп населения.

Комплекс элементов, к которым относятся традиционный костюм, статичные позы профиля и анфаса, «бытовое» разнообразие и внимание, уделяемое ритуальным и праздничным действиям, влияние эволюционизма и позитивизма, который «исповедовался» учеными – членами экспедиций – все это позволяло формировать фотографический «логотип», «бренд» этничности/«инородности», который узнавался в имперской России (Рис. 3–4).

Резюмируя, можно сказать, что визуальные образы «инородцев» делались узнаваемыми за счет возможностей бесконечной воспроизводимости, возможной благодаря фотографии и печати. Таким образом власть добивалась конструирования и закрепления единого жизненного пространства не только за счет институционально-правовых, бюрократических действий, но и путем апелляции к интеллектуальным и культурным практикам.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

¹ *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по Северо-Востоку России (фрагменты путевых заметок) // Герценка: Вятские записки: Вып. 5. Киров, 2003. С. 56.

² *Барт Р.* Camera lucida. М., 1997. С. 18.

³ «Этнографические альбомы» можно назвать особым явлением культурной жизни в указанный промежуток времен. Чаще всего собрания фотографий вклеивались в обычные крупноформатные альбомы и подкреплялись комментариями составителя. Именно такие «визуальные презентации» М.Е. Евсеева были удостоены наград на Нижегородской промышленной и Парижской всемирной выставке: «Затем они [альбомы] были пожертвованы в Казанский музей имени Лихачева, а оттуда куда-то исчезли». Цит. по: *Евсеев М.Е.* Жизнь мордвы в фотографиях. Фотоальбом. Саранск, 2004. С. 6. В ЧГНИИ сохранились этнографические альбомы Н.В. Никольского, построенные на сочетании снимков профессиональных фотографов (К.Т. Софонова, Г.Ф. Локке, О.И. Смоленцева): Никольский Н.В. Этнографический альбом. Снимки из религиозного быта вотяков. Отдел VIII. Ед. хр. № 73. Инв. № 483; Никольский Н.В. Этнографический альбом. Снимки из религиозного быта черемис. Отдел VIII. Ед. хр. № 72. Инв. № 482. 25 л.; Отдел VIII. Ед. хр. № 74. Инв. № 484. Никольский Н.В. Этнографический альбом. 186 ф. Эти материалы были изданы как: *Никольский Н.В.* Собр. Соч. Т. IV. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. Составление тематических подборок стало особой формой концептуального времяпрепровождения и новой повседневной практикой, что было актуально до начала эры дигитальных изображений, когда материальные альбомы перешли в электронную форму.

⁴ Цит. по: *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 11. Об игнорировании «русских» в исследованиях империи см. также: *Бахтурина А.* «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 123. Об отсутствии темы «центра» и «иерархий» в современных исследованиях Российской империи см.: *Каспэ С.И.* Имперская политическая форма и метафора центра: К обновлению аналитического языка // Имперские и национальные модели управления: Российский и европейский опыт. М., 2007. С. 13.